ВІЛЬНЕ КАЗАЧЕСТВО
ВОЛЬНОЕ КОЗАЦТВО

10 Mai 1935

LES COSAQUES LIBRES

VIIIe ANNÉE

174

10 МАЯ 1935 г.

10 ТРАВНЯ 1935 р.

ПАРИЖ

PARIS

ГОД ИЗДАНИЯ 8-й

РІК ВИДАННЯ 8-ий

СОДЕРЖАНІЕ:

1. **И. К. Скубани:** Христос Воскрес!..
2. **Константин Поляков:** Наша родина силы найдет.
3. **Николай Букин:** Вечная тоска.
4. **Иван Назаров:** Над Доном тишина.

5. **И. Билый:** Путь Казачества к Казакии.
6. Трагедия Казачества.
7. От В. К. Круга в Югославии.
8. Казачья эмиграция.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Варна. С. П . Получено. Привет.

Ески-Джумая. И. К. Ответ — письмом. Привет.

Германия. Х. Ну, уж если говорить о единой-неделимой, то нам единая-неделимая Казакия дороже всякой иной единой-неделимой. Привет.

Белград. Н. Д. Получено. Привет.

Од. И. И. От неудач застраховаться нельзя. Чтобы выиграть, надо, чтобы удач было больше, чем неудач. Чтобы достичь того, к чему мы все стремимся, надо не падать духом при неудаче. Бездушными быть не можем, но хладнокровными и расчетливыми быть следует. А над всем — один закон: неизменно идти к поставленной цели. Привет.

Болгария. П. П. Ответ короткий: единая цель, единая программа, единая политика, единое командование. Или так выиграем, или, если останемся раз'единенными, проиграем навсегда. Непреодолимого ничего нет, если мы действительно патриоты и на деле, а не только на словах. Привет.

Августов. Ф. С. Получено. Принято к сведению. Привет.

Бельгия. Н. К. Б. Большое спасибо. Привет.

Бордо. В. Ц. Спасибо. Привет.

Германия. Д. Т. Хорошо. Привет.

Югославия. В. К. «Виноград» получен. Хорош. Будет напечатан. Привет.

Лион. И. М. «Восстание» будет напечатано. Привет.

Польша. О. К. Одержали. Дякуемо.

Бразилия. С. С. Посылается по новому адресу. Привет.

Южин. А. К. О смерти Н. М. будет напечатано в следующем номере. Привет.

Польша. Н. Это правда, есть заинтересованные в том, чтобы «Трагедия» не была доведена до конца. Они боятся или стыдятся сами оглянуться на свое прошлое. Привет.

Польша. Н. К. Конечно, не легко. Не следует, поэтому, возлагать все надежды на международную ситуацию, а только часть, иначе можем не выиграть. На первом месте должны стоять свои собственные силы, это — самое верное. Когда они есть, тогда могут оправдаться и надежды на силы внешние. Надо вести дело так, чтобы мы были не просителями, а партнерами... Привет.

Чехия. М. М. Сил нам будет нужно ой-ой как много! Хватит ли своих, будет зависеть от того, сколько останется с нами интеллигенции. У казаков ее раньше почти не было. Это был большой минус нашего прошлого. К сожалению, много образованных казаков свой народ оставляют... Привет.

Бельгия. С. П. Будет напечатано в следующем номере. Привет.

Варенн. А. К. Получено. Привет.

Парачин. К. К. Получено. Привет.

ГОНОРАР НЕ ПЛАТИТСЯ

Непринятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Редакция не входит в переписку по поводу непринятых к напечатанию рукописей.

Казачья — наша цель

ВОЛЬНОЕ КОЗАЧТВО
ВІЛЬНЕ КАЗАЧЕСТВО

Наш девиз — Казачья честь

LES COSAQUES LIBRES

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический

Revue bi-mensuelle littéraire et politique

Редактор-издатель: **инж. И. А. Билый**

Редакция и администрация : **10, rue Victorien Sardou, Paris (16)**

№ 174 *Пятница 10 мая 1935. — Пятниця 10 травня 1935.* № 174

И. К. Скубани.

Христос Воскрес!..

Журчит таинственно ручей,
Шумит-звенит зеленый лес:
«Нет больше в мире палачей,
Погибла смерть — Христос Воскрес!»...
Морской прибой ту весть несет
И лобызает волнорез,
Волна волне передает,
Что гнет насилия исчез...
Над степью ласточка кружит
Ныряя в облако небес, —
Она сказать ему спешит:
«Великий Праведник воскрес!...»
Повсюду слух о чуде том
Рождает радость и покой,
Лишь я пред Господом-Христом
Поник печально головой, —
В моей душе сомнений яд,
В лице застыла скорби тень
И безразличием об'ят
Этот весенний, ясный день.

Увы, не верю я Мечте,
Мне праздник-праздников не люб,
Былая песня Красоте
Уж не слетит со сжатых губ.
Я знаю, смерть еще сильна, —
Ей служит ревностно палач;
Еще в цепях моя Страна —
Там не смолкает горький плач,
Грустит Кубань, томится Дон,
Рыдает Терек среди скал,
А ветер их надрывный стон
Несет на Волгу и Урал.
Я знаю все и мне не мил
Весны цветущей звонкий шум, —
Он в сердце нынче разбудил
Притихший рой тяжелых дум.
И я, смахнув слезинку с глаз,
Пытаюсь выяснить вопрос:
Когда, когда-же и для нас
Воскреснет Мученик - Христос?...

Константин Поляков.

Наша родина силы найдет...

Нет, не я призываю вас в бой,
А страданья народа нашего:
Ваши братья и сестры с мольбой
Ждут казачьего мужества вашего.
Не заменит мой стих тот набат,
Что гудел над степями когда-то
Рвал язык колокольный канат,
Блеском стали слепили полки супостата...
Да, так было, так было когда-то...
Тогда сердце горело в казачьей груди,
А теперь, равнодушны к страданиям брата,
Вы боитесь тягот боевого пути?
Но есть те, кто с прямою душой,
Не страшась в поле смерти кровавой,
За Отчизну родимую бросятся в бой
Смело, гордо, достойно и право.
Вы же будете в землю смотреть
И смеяться над подвигом? — Смейтесь!
Наша Родина силы найдет, чтоб стереть
Всех предателей.

Верные, бейтесь!

4-4-35.

Николай Букин.

Вечная тоска

(Окончание).

Егор, как называли его все, а на самом деле Гавриил, служил в одном иностранном строительном предприятии в качестве фигуранта. Когда не было работы по назначению, приходилось исполнять обязанности посыльного, а иногда и «надзорника» при разгрузке строительного материала. Это был средних лет мужчина, выше среднего роста, широкий в плечах, с правильными чертами лица, прямым носом и маленькими черными глазами, спрятавшимися под густо свисающие брови; ходил он скорым, всегда равномерным шагом, постоянно задумчивый со слегка наклоненной головой. Его темно-каштановые густые волосы редко когда видели дневной свет, т. к. недавно сшитая кубанка, взамен износившейся, почти не снималась им с головы. Все его здесь знали и относились с особым уважением. Заметив идущего еще вдалеке Быкова, каждый непременно скажет: «Вон казак Егор идет».

Жил он в канцелярии предприятия, километра три от своих приятелей.

— Ты один, или и Родион дома? — подходя к двери, спросил Егор.

— Вдвоем, лежим гутарим, — ответил Александр.

— Доброго здравия, Родион Никанорович, — пригибаясь у двери, произнес Егор.

— Здоровеньки булы — последовал ответ из темного угла. — Откуда Бог послал? — радостно спрашивал Родион своего гостя.

— Да, вот, решил пройти к вам, поделиться впечатлением. Получил свежий номерок, ну и в первую очередь взялся почитать «Трагедию Казачества».

— С тобой то журнал? — спешно спросил Родион.

— Со мной, конечно.

— Ну, ты его оставишь нам. Мы завтра засветло почитаем. Много что-то пишут про трагедию нашу. Большая она, конечно, разве всего опишешь за раз, задумчиво проговорил Родион.

— Интересная история. Читаешь и видишь, чему сам был свидетель, а главное — узнаешь то, чего не знал раньше, а знали те, кого, как видно, и близко к делу допускать нельзя было, — ровно отчеканивая каждое слово, басом говорил Егор. Больше всего, продолжал Егор, возмущает это вмешательство и хозяйничанье в наших краях этих «бродячих музыкантов»... Погляди, как они вели себя, а как успехи в борьбе с красными приписывали себе. Казаков как будто и не было. Как посмотришь, так видно, будто и красные и белые сговорились уничтожить казаков. Какая там гражданская война?!.. Война России с Казачеством....

— Они действительно как сговорились, вставил молчавший до того Александр, из самой России об'явили войну казакам, — помните — какой-то там их ний министр крикнул: «казаки, потеснитесь!» — и мобилизацию об'явили, ну, а другие прибежали к нам вроде спасаться, а как немножко пригрелись, змеюки окаянные, так тоже войну подняли против нас.

— Большую ошибку мы сделали, что пускали беженцев к нам, — сказал Егор, слюнявя скрученную им из самосада цыгарку.

— Только что перед твоим приходом мы говорили об этом, — в один голос поспешили ответить Родион и Александр.

— Вот то-то-ж оно и есть, — закуривая добавил Егор.

— А вы что-же, до сих пор еще не спали?

— Говорю тебе — гутарим, лежим, — ответил Александр.

— О чем же вы гутарите?

— Все о прошлом. Живем им да надеждой на будущее, — говорит Александр, привставая с кровати. Нет, нет, да и оглянешься назад. Иногда так страшно станет от ошибок в прошлом что скорее гонишь от себя всякие такие мысли; порою кажется, что и жутко оставаться жить дальше. А бывает и так, что нарочно разжигаешь в себе эти мысли, зло еще больше кипит в грудях... Оно может и не ты грешил, но... все равно, брат, грешили те, кому мы так просто доверили свою жизнь — свои же... Что-ж, наука хорошая, только — выучимся ли?... Может... Хотел что-то еще сказать Александр, да махнул рукой и снова сел к себе на кровать.

— Не сознают своих ошибок те, кто их делал, вот беда великая. Не сознают... Да нет, сознают, только не хотят исправляться, — говорил Егор.

— Не исправишь, — вставил Родион.

— Сознают, — продолжал Егор. — Вот Науменко же сознал, что самостийники правы: «Правы они, все мы — самостийники. Напрасно мы с ними боремся», — говорил он в Скопле. А вот продолжает же со своими верными спокойно жить.. Живут и, ради личной выгоды, помогают обезличивать казаков. Не хотят идти со своим народом, не живут его интересами. Поглядите, до чего дошел наш Атаман: староста русского сокола! Даже присягу дал, клялся, значит, на верность России, которая разорила нас, выгнала из дому и сейчас продолжает царствовать там. Да какая же может быть клятва после той, которую ты дал уже раз на верность Кубани, — повышая голос говорил разволновавшийся Егор. — Ведь это же предательство! Разве это сын казачьего народа?!.. Атама-ан в русской красной сокольской рубахе!...

— Успокойся Егор, — заговорил Родион. — Это у него не первая история... Отдал же он белым на повешание Кулабухова!...

— Опять ты, Родион, про Кулабухова, умоляюще произнес Александр.

— Да, опять! Разве честный патриот на его месте допустил бы до этого? Где его мозги были, чем он думал?.. Я не могу не только говорить об этом спокойно, но даже думать спокойно не могу. Сосет вот тут, — указывая на грудь, почти сквозь слезы, говорил Родион, — жгет до боли. Не знаю, братцы, кажется ни одного дня не прошло, чтобы я за эти годы не думал о Кулабухове, да о Рябоволе. Одного повесили, другого подстрелили.... А кто? Русские офицеры, каких мы укрыли от русских же пуль...

Наступило молчание. Кое-где слышалась трескотня невидимых многочисленных соседей... Луна постепенно прятала свое нежное освещение и на полу, у самого порога, оставался лежать медленно таявший треугольник света. Забытая в руке Егора папироса давно потухла, а сам Егор, прищурив глаза, отклонившись чуть влево, смотрел в даль степную через открытую дверь.

— Ничего, братцы, — прервал молчание Александр, — все равно никому не умертвить Казачества. Живучий наш народ, а теперь особенно будет живучий. Может быть все, что случилось, и к лучшему. Теперь мы уж своих Кулабуховых не дадим никому.

— Стой, Александр, перебил Родион. Вот, я думаю: ставят всяким заслуженным личностям памятники. Конечно, поставим и мы своим патриотам, когда возродится наше казачье единое государство, но... вот скажите вы мне, какой самый святой будет памятник?

Все задумались над заданным вопросом. Александр и Егор смотрели друг на друга, а Родион на них обоих, попеременно, и выжидал ответа.

— Каледин, — первый заявил Александр, — и Кулабухов, конечно, — поспешил добавить он, чтобы не обидеть Родиона.

— Все, станичники, кто честно умирал за Казачью Свободу, все наши святые, — по своему решил Егор.

— А-а нет, нет! Оно, конечно, и ты Егор, прав, но вот Александр почти что так решил, как и я. Кто то же есть у нас, кто больше всех заслужил, перед чьим именем мы должны преклоняться. По моему самый святой памятник будет Кулабухову. Его, ведь, как Христа

распяли за народ и также приходили смотреть на него повешенного, как на Христа распятого. Вы подумайте, порешили там у нас в Раде, выбрали, значит, самого достойного, к чьему голосу прислушивались, и послали заграницу переговаривать о своих казачьих делах... А вернулся... за его же дело, что делал он для казаков, отдали на муки. Нет, нет, самый святой памятник Кулабухова. Вы, вед, не были там, когда его повесили, а я был, ходил смотреть, плакал, но... бессилен был...

— Ты бы рассказал поподробнее, как это там все случилось. Я был на фронте в то время, только — много нас тогда из разных полков убегло, — сказал Егор.

— Да ты чего-ж, не читал что-ли, в журнале? — спросил Александр.

— Читал, только давно, — отвечал Егор, —да хотится знать, что оно творилось в нашей столице...

— Да об этом следует рассказывать не раз, начал Родион после некоторого молчания. Начну, значит, с того, что, как вам известно; служил я во втором сводно-казачьем полку. Полк наш вначале был за Царицыном. Все мы были голые, босые, голодные, пополнения в полк не было. Вскоре наш полк оттянули в Дубовку, где мы и простояли суток шесть... Приехала туда однажды английская комиссия. Выстроили нас и вот стоим мы выстроенные перед этой комиссией. Какой то ихний генерал после смотра говорил речь, в которой удивлялся, разводя руками, что Англия послала на всю армию по два комплекта обмундирования, а мы все почему-то голые... Уехала комиссия, но положение не исправилось. Дня через три после этого нас вернули в самый Царицын. Шли дожди, а иногда и снег. Холодюка был такой, что за душу брало. Через два дня нас погрузили в вагоны и так мы стояли целый день на станции. Кругом дежурили добровольцы, но что с нами будет, никто не знал... Наконец поехали. Дорогой узнаем, что везут на Тихорецкую...

— А кто у вас был командир полка, — перебил Егор.

— Полковник Быковец. Ты не перебивай. Все скажу. Из Тихорецкой привезли нас в Пашковскую станицу, куда из Екатеринодара ходят трамваи. Вот тут этот самый Быковец куда-то пропал, куда он девался — не знал никто. Его заступил... не помню как звался... Ну, а главное то, что и он дня через четыре тоже не известно куда делся, после чего командиром полка был временно назначен есаул Прудий Калниболотской станицы. Приезжает к нам через несколько дней Покровский. Выстроили полк. Не помню теперь всего, что он говорил, но только после своей речи спрашивает: «Быть мне или не быть у вас командиром полка, принимаете меня или нет?» Весь полк молчал за исключением некоторых, которые прямо сказали: «Нет, не надо!» Но это не подействовало. Командиром он остался... Надо сказать, что в Екатеринодаре жил мой станичник, подхорунжий Калайда, инвалид еще с великой войны. Через него наш полк имел связь с Кулабуховым. Переговоры с Кулабуховым у нас начались с тех пор, как узнали, что его хотят уничтожить. Приходили к нам и из Екатеринодара и говорили, что вся столица за Кулабухова и что в случае чего, так у нас, мол, имеется учебная батарея, пехота на станции и т. д. словом, много... Казаки насторожились. Получается вдруг от Покровского приказание: «Снять с орудий и пулеметов замки.»

— Где он сейчас, проклятый? — со злобой спросил Александр.

— Убили в Болгарии...

— Туда ему и дорога, добавил Александр.

— Все, конечно, знали, к чему дело клонится, — продолжал рассказывать Родион. — Я в то время был в пулеметной команде. Посносили мы в частный дом одного казака все пулеметы, а замки держали у себя за пазухой. После этого приказания, как мы потом узнали, Покровский кутил всю ночь с приглашенными им офицерами и учителями в Пашковской. Узнал он, что замки мы храним при себе. Пытался отнять, но не удалось. Был даже такой случай, что сам он с несколькими офицерами пришел отбирать замки от орудий и пулемтов. Часовой, предупрежденный нами, не пускает. Прудий тогда и спрашивает: «Что ты, не узнаешь своего командира полка?»

— Никого не узнаю сейчас, как и никому не верю, — твердо отвечал часовой. Они намеревались подойти ближе к часовому, а он — раз, другой да третий в воздух как выпалит. Выбегает караул и заявляет, что сейчас ни с кем разговаривать не хотит, а утром завтра разберемся. Состояние было напряженное и такое оно длилось дня три. Стал Покровский вызывать на допрос и батарейцев и команду. Все отвечали одно, что оружия никому не сдадим и хотим знать, зачем нас сюда привезли и держат. После допроса наступило затишье. В один из дней затишья приходит Прудий и говорит, что «командир полка решил дать казакам отдохнуть, для чего приказал мне записать желающих ехать на тридцать суток в отпуск, пока мы здесь будем стоять. Необходимо, конечно, оставить от каждой сотни по десять человек для уборки лошадей.» Изнуренные фронтом, недоеданием, оборванные, стали некоторые из нас записываться. Пустили слух, что Кулабухову не грозит никакой опасности. Казаков еще больше записалось ехать в отпуск. От Калайды мы узнали, что Кулабухов просил его больше не приходить, что он сам все сделает, что нужно. За день до его повеления, когда нас в полку осталось человек пятьдесят, мы узнаем от того же Калайды, что Кулабухов так сказал: «Я вижу, что за мной пойдут тысячи, но все могут леч, т. к. главные силы казаков на фронте и разбить эту гадину, засевшую в казачьих Землях, не удастся. Сделать внутренний фронт открытым, значит сделать прорыв на фронте внешнем. Нет, уж если я лягу, так один... за эти тысячи бесконечно дорогих жизней.» После этого заявления мы, оставшиеся в полку, снова заволновались, т. к. почувствовали, что слух о безопасности Кулабухова был ложным. В последний день караул наш был снят и на наше место привели ребятишек от шестнадцати до семнадцати лет. А ночью и этот молодняк сняли, заменив его юнкерами и, кажется, чуть ли не сам Покровский их привел...

С последними словами Родион стиснул зубы, опершись головой на левую руку и умолк. Молчали все... Тишину нарушил сначала Родион своим глубоким вздохом, а потом пес Михрютка. Чутко спавший пес вдруг вскочил и сразу подбежал к Родиону. Повернув голову с ярко светящимся желтым светом глазами в сторону Александра, а потом Егора, он поднялся на задние лапы и начал лизать Родиону ухо, затылок, голову и руки. Несколько раз нетерпеливо, с глубоким участием всего своего бессловесного существа, он взвизгнул и посмотрел на Александра, точно прося об'яснить ему происходящее. Гавкнул один раз и на Егора за его спокойно молчаливое отношение к его беспокойству.

— Будя тебе, Родион, заговорил, наконец, Александр. — Посмотри, Михрютка волнуется. Расскажи лучше, что было дальше...

— Что ты, Махрютка, — проговорил Родион приподнимая голову. Не глядя на собаку он взял ее освободившейся рукой за шею и притянул к себе.

— Эх, кабы все-то были люди такие, как ты, Михрютка... Ты, вот, никому не веришь, а мы поверили...

Успокоившийся пес вспрыгнул на постель к Родиону и сел рядом с ним, прижавшись почти вплотную.

— Ну, так что-же дальше было, — переспросил Александр.

— Ночью нас вывели в Екатеринодар, сказав, что идем на парад. И как вы думаете — что это за парад был?... Водили нас по темным улицам и проулкам почти целую ночь. На площадь нас привели только на рассвете... Мы стояли как одуревшие и только потом поняли все маневры начальства. Парад, с которого мы унесли злобу и вечное проклятье врагам казачьей свободы, закончился... А следующей ночью повесили Кулабухова... Только некоторые из нас уже в отпуск ехали...

— Ну, а почему же вы уехали в отпуск, когда видели, что затевается неладное, — спросил Егор.

— Да говорю же, что успокоили, сказав, что опасности никакой нет, а с другой стороны — из станиц получали тревожные письма с сообщениями о поведении добровольцев в наших станицах... Довольно. Устал я уже. Разве все перескажешь. Ум на раскарячки лезет, закончил свою печальную повесть старый, закаленный в боях казак Родион и молча вышел из хаты.

— Поздно должно быть, — сказал Родион, обращаясь к сидящим еще в хате...

— Да, должно быть поздно, — отвечал Егор. — Пора ходить до дому.

— Посиди чудок, пойдем вместе, задерживал Александр Егора. — Поговорим еще о чем другом.

— Ни о чем другом, только о Казачестве, — отвечал Егор. — Зайду в другой раз. А сейчас пойду. Чего-ж тебя ждать. С тобою только на насыпь подняться, а там — тебе на мост, а мне от моста. Ну, Родион, чего-ж, будем расходиться?

— Хочешь, оставайся спать. Потеснимся как нибудь. К тому же Александр сбирался рыбу ловить. Скоро надо будет идти ему, а ты тогда ложись себе свободно.

— Спасибо, брат. Лучше пойду. Спасибо тебе за то, что рассказал. Теперь и я буду рассказывать про это. Это хорошо: ты мне рассказал, я другому, — оно так и намотаем на ус. Будем и дальше узнавать и все узнаем, как бы не прятали там...

— Бог видит правду, чего там говорить, — вставил Александр, вышедший вместе с Егором к Родиону.

— Так как тебе нравится, — спрашивал Родион впервые слышавшего от него о проделке добровольцев Егора.

— Знал я все, только не знал, что так водили вас за нос, — отвечал Егор.

— Да разве нас только?.. Всех казаков водили, благодаря нашей старшине, а мы то откуда ж могли знать! Как же не поверишь, или не послушаешь, когда тебе свой же, казачий, генерал говорит, — возмущенно говорил Родион.

— Все-то наше горе, что мы их слухали, — перебил Александр. — Выбирать-то надо было не свитских, а из народа. Нашелся бы, наверное, второй Булавин или Некрасов. Дон, батюшка, богат ими был. Зря только погибли тогда...

— Ну, ничего, братцы, — спеша уходить говорил Егор. Послужим еще Казачеству. Есть порох в пороховницах. Надо только следить за ним, чтобы не подмок.

— Слава Казачеству! — начал прощаться Егор. — Александр, готовь вентеря. Или ты на удочку? Посмыкать? шутя добавил он. — А ты, Родион, отдыхай. Забегу еще как нибудь.

— Я то уж не лягу. Вроде светать начинает, — пояснил Александр, посмотрев в помутневшее небо. Заходи Егор.

Егор, уже удалявшийся, махнул в ответ рукой.

— Погоди! — спохватился Родион. — Егор, а журнал?!.. Ишь, тоже — орел! Спешишь куда-то, скрываешь. Увлекся так, что забыл обещанное.

— Вот спасибо, — беря журнал, благодарил Родион вернувшегося Егора. — С Богом, родной. Забегай.

— Почитаем, Михрютушка, — показывая журнал собаке, говорил Родион направляясь в хату...

1935. Апрель.

Иван Назаров.

Над Доном тишина...

Над Доном тишина... Не слышно песен вольных
Не льется трель на подголоске в них;
Молчит простор степей раздольных
И Тихий Дон... как будто-бы притих.
В станице нет былых «сиденок».
Замолк разгул по хуторам,
Везде враги... тюрьма... засетнок
Да залпы в искрах по ночам.
Но не мечтайте вы напрасно, кровопийцы,
Что вы положите предел в ходу свобод;
Ни ваша власть, — бессудного убийцы,
Ни ваше Каинство не сломит мой народ.
Каких гадюк не плите в комиссары,
Каких зверей ни бросьте выше них,
Ничто не сдержит ток кровавой кары
Во дни восстаний боевых.
Какою силою ни обложите степи,
Какое бешенство ни бросьте в ваш террор;
Он все порвет, он сбросит ваши цепи
И, будто дикий конь, рванется на простор.
А до того народ мой раны чести
Хранит в душе, где тайна не видна,
И потому молчит в нем право грозной мести,
И потому над Доном тишина...

Франко - Советский пакт

Заключение франко-советского пакта встречено по разному в разных странах. В Москве радуются. В Праге пакт встречен даже с энтузиазмом («Возр.» 4 мая). В Варшаве — сдержанны. Польская пресса подчеркивает, что сов. Россия доверия не заслуживает... В Риге отношение — осторожное...

В Германии — раздражены («П. Н.», 6 мая). Там считают, что франко-советский пакт направлен против Германии.

Нет единодушия в оценке пакта и в самой Франции. Приветствуют его «от всего чувства» только коммунисты, считая его победой СССР и своей, и видя в нем ободрение к дальнейшей деятельности. — Часть прессы доказывает необходимость заключения такого пакта. — Другая часть не разделяет ни радости левых, ни аргументов защитников пакта. «Аксион Франсэз» прямо говорит, что это «чехи и румыны нажали на французское правительство в пользу заключения пакта с советами».. «Котидьен» призывает Францию национально пробудиться и заставить Палату сказать правительству: «Мы этого не хотим, мы за вами не последуем, мы не обязжемся проливать французскую кровь на защиту русского коммунизма»... — «Жур» приводит мнение «неизвестного французского комбатанта»: ...«если русские нападут на немцев, или немцы — на русских, я предоставлю им расхлебывать кашу, а сам буду сидеть дома... И таких, как я, — много»...

— Тем не менее, франко-советский пакт есть факт, не учитывать которого никто не сможет. Учтут его, несомненно, все народы теперешнего СССР; борющиеся за свое освобождение. Учитываем его и мы.

И. Билый.

Путь Казачества к Казакии

(Доклад, прочитанный в собрании Парижской ВК имени А. И. Кулабухова станицы 5 сего мая).

Настоящие дни — дни праздника Светлого Христова Воскресения, когда весь христианский мир переживает торжество из торжеств. К сожалению, для нас, казаков, это как раз дни наших печальных юбилеев.

Ровно пятнадцать лет тому назад Казачество имело свой Седан... 15 лет тому назад численно большие каз. армии сдались противнику менее численному, сдались тем, кого еще недавно так жестоко били... Пятнадцать лет тому назад мы пережили весьма яркую иллюстрацию того, что значит демонализация духа, что значит в политической борьбе, в борьбе народа за свое право на самостоятельную жизнь, — что значит в таком случае потерять руководящую идею, что значит извериться в конечных целях борьбы... Пятнадцать лет тому назад потерпели поражение не только казачьи армии, потерпела поражение и казачья политика... А может быть именно казачья политика — неуверенная, неопределенная, непостоянная, зигзагообразная политика разбившегося на несколько лагерей Казачества и привела его к катастрофе. Может быть, как раз неказачья политика казачьих верхов того времени привела Казачество к военному поражению, к проигрышу уже, казалось, выигранной войны...

Пятнадцать лет наихудшей, наистрашнейшей, наибесжалостнейшей оккупации там и пятнадцать лет наших страданий и скитаний здесь...

И конечно, каждый из нас многое передумал за эти годы изгнания; каждый, вероятно, поставил уже все вопросы — почему именно так было, почему проиграли мы борьбу, почему так дорого за нее заплатили, почему платим ее еще и до сих пор?.. И, вероятно, каждый успел переоценить все старые ценности и ответить по своему на каждый из поставленных выше вопросов...

Весьма возможно, что каждый из вас ставил себе и такой вопрос:

А должно ли было непременно так произойти? Разве не могло быть иначе? Разве не могла наша прошлая борьба кончиться по иному?

Могло ли не быть большевицкого торжества на Казачьих Землях? Могло ли быть тогда так, чтобы теперь не было ни оккупации там, ни эмиграции здесь? — Словом, могло ли Казачество тогда выиграть?

Ставим все эти вопросы и мы, вольные казаки. Ставим и отвечаем:

Да, могло быть иначе. Да, Казачество могло выиграть. Да, страшного, изуверского большевицкого царства там могло не быть. Да, могло быть так, чтобы нам не пришлось уходить в эмиграцию.

Сейчас все мы с большим нетерпением ждем событий. Иногда нам даже кажется, что мы стоим накануне чего то, что может снова бросить нас в круговорот больших событий, которые коснутся и нашего врага, которые ребром поставят вновь и наш вопрос...

Ну, а сами мы готовы? Можем ли мы сегодня поручиться, что мы не повторим снова того, что уже раз было? Можем ли мы уверенно сказать, что результат завтрашней борьбы будет не тот, каким был результат борьбы вчерашней? Не пойдем ли мы завтра тою же дорогой, какой пришли на край пропасти вчера?

Кто может уверенно ответить на эти вопросы за все Казачество?

— Мы, самостийники, на все эти вопросы уже ответили и ответы свои нашли в нашем же, недавнем казачьем прошлом. В этом прошлом Казачество пробовало идти своим путем, который только и мог привести его к торжеству его собственной программы, к более счастливому решению своего вопроса. Только сбивали его чужие и некоторые свои с этого его собственного исторического пути, сбивали на чужую дорогу; сбивали до тех пор, пока не сбили и... не привели к разгрому.

Этот путь, оборванный исторический путь Казачества — путь самостийности, путь возрождения казачьего национализма и путь об'единения Казачества в своем казачьем, самостоятельном и независимом государстве,

этот путь, оборванный стараниями чужих и своих, оборванный катастрофой 1920 года, мы, казачьи националисты, отыскали вновь, стали на него сами и зовем на него все Казачество.

Наши противники часто бросают нам упреки в том, что казачья самостийность есть явление недавнее, происхождения заграничного.

Я попробую сегодня ответить документально на этот вопрос, чтобы доказать, что то, что мы, вольные казаки, проповедуем, не есть нечто совершенно новое, о чем не думали казаки еще там, дома. Позвольте лишний раз подчеркнуть, что мы всего лишь продолжаем то, что намечалось Казачеством там и осуществить что помешали ему тогда силы для него посторонние и ему враждебные.

Если мы оглянемся на пережитые нами казачьи 1917-1920 годы, мы увидим там на протяжении всего тогдашнего времени борьбу двух программ, борьбу двух стремлений, борьбу двух начал —

начала казачьего и начала русского.

Начало казачье создавало самостоятельные казачьи республики, оно принимало казачьи конституции, оно стремилось к об'единению Казачества: оно заключало Юго-Восточный Союз, оно проектировало Доно-Кавказский Союз, оно созывало казачью Конференцию 1919 года, оно созвало и первый Верховный Круг Дона, Кубани и Терека в 1920 году.

Начало русское в казачьи конституции вносило «впредь до»; начало русское поддерживало ка-

зачье раз'единение и водило казаков на Московскую дорогу; начало русское в каждое казачье начинание вносило свою поправку: все казачье в настоящем — временное, а постоянное — одно: это одно — русское будущее. Интересы постоянного требовали подчинения себе интересов временного.

Начало казачье требовало исключения начала русского. Начало русское требовало исключения начала казачьего. Правители казачьи пробовали сочетать оба начала вместе, пробовали служить им одновременно, пробовали сидеть на двух стульях и провалились сами и провалили все казачье дело. — Так будет до тех пор, пока казаки не выберут своего пути окончательно, пока не начнут молиться только одному Богу — своему казачьему или чужому русскому... Двум Богам одновременно служить нельзя.

Мы, самостийники, свою дорогу выбрали: мы стали на Казачий Шлях и всю свою службу Казачеству подчиняем только одному началу — началу казачьему, мы молимся только одному Богу — Богу казачьему...

И из нашего прошлого мы берем за свои опорные пункты только то, что делалось казаками во имя начала казачьего и в интересах только казачьих.

Великие идеи не падают с неба готовыми. Они родятся, растут и зреют постепенно. Так и с идеей (программой) об'единенного казачьего государства — идеей Казакии. Она, эта идея, родилась и выросла через Юго-Восточный Союз 1917 года, через проект Доно-Кавказского Союза 1918 года, через Верховный Круг 1920 года.

— Все то, что творилось в них казачьего и во имя казачьего, — все то мы принимаем, как свои исходные точки в нашем недавнем прошлом. Принимаем и несем дальше по Казачьей Дороге к Казачьей Цели.

Разрешите поэтому остановиться сегодня специально на этих казачьих стремлениях недавнего прошлого к казачьей самостоятельности и к казачьему об'единению. Тем более необходимо это сделать теперь, когда Казачество так страстно ищет выход из своего поистине трагического настоящего... Тем более это необходимо, что подлинно казачий выход из современных исторических катаклизмов намечался несколько раз уже там и не доводился до конца не только общей неподготовленностью казаков к тому, чтобы во-время было взять свою судьбу в свои руки, но и вмешательством каждый раз сил посторонних, заинтересованных в том, чтобы казаки не стали на свой собственный исторический путь, а, отказавшись от своего казачьего начала, пошли на службу началу русскому.

В первые же дни революции 1917 года политическо - государственное творчество Казачества шло по двум направлениям — к созданию своей власти, независимой от власти Российской, и к об'единению Казачества.

Ёще «законному» Временному Правительству Дон ответил старым самостийным жестом: «С Дона выдачи нет!» .Еще тому же Правительству не подчинилась и Кубань, приняв, вопреки категорическому требованию того Правительства, свою собственную конституцию и введя ее в действие явочным порядком (октябрь, 1917 г.) т. е. опять таки наперекор желанию общероссийской власти. Больше того: «законный» представитель этой власти, после того, как Кубань не подчинилась «общегосударственной» власти, сложил свои полномочия (комиссар Вр. Пр-ва К. .Л. Бардиж) не власти, его пославшей и уполномочившей, а отказавшейся повиноваться той власти Кубанской Раде...

Стремление Казачества к об'единению проявилось несколькими с'ездами (Петроград, Киев, Новочеркасск) и образованием Союза всех Казачьих Войск. Союз этот создавался казаками во Всероссийском масштабе для защиты интересов Казачества в новом государстве в то время, когда не только казаки, но и все другие народы верили в то, что это новое государство будет действительно новым, будет свободным и равным для всех. События очень скоро опрокинули все такие ожидания и каждый из народов начал сам строить и защищать свою собственную государственность, свою свободу и свое право. Вступили и казаки было на этот путь, но дела своего до конца не довели. — Мы не можем в данном докладе поставить этот вопрос во всей его широте (его невозможно было бы вообще исчерпать даже в нескольких докладах), а ограничимся рассмотрением четырех главнейших попыток к об'единенному государственному строительству Казачества Европейского.

В августе 1917 года члены Кубанского Войскового Правительства, бывшие на Московском государственном совещании, привезли оттуда большой пессимизм, что касается судьбы «Революционной России». На заседании Войскового Правительства, после докладов вернувшихся делегатов, впервые поставлен был вопрос о том, что казакам нечего ждать ни от российской революционной демократии, ни от Всероссийского Учердительного Собрания (сами выборы в Учредительное собрание на Кубани так и не производились), а следует самим подумать о своей судьбе и подумать серьезно. Тогда же был поставлен вопрос о том, что необходимо сговориться между собою всем Казачьим Войскам, как тогда говорили, Юго-Востока России. — Так родилась идея Юго-Восточного Союза.

Идея Юго-Восточного Союза не только родилась на Кубани, но и инициативу проведения ее в жизнь взяли на себя кубанцы. Решено было предложить другим казачьим Войскам сговориться и заключить Союз для защиты своих интересов перед надвигающейся разрухой, для согласования своих действий в Учредительном собрании, если оно будет созвано; намечалось желание уйти от чрезмерной «опеки» Москвы и Петрограда; заговорили о политическом и экономическом освобождении от Центра; поставили вопрос ребром о будущем государственном строе России и остановились на федерации, в которой бы Казачьи Земли составили один или несколько самостоятельных штатов.

Не откладывая дела в долгий ящик, Кубанское Войсковое Пр-во решило созвать конференцию по этому вопросу, а для приглашения на нее Дона послало специальную делегацию на Донской Войсковой Круг, советуя одновременно сделать тоже самое и Терскому Войсковому Пр-ву. Последнее поддержало инициативу кубанцев перед Донским Большим Войсковым Кругом, который (в начале сентября) принял следующую резолюцию:

«1. Поручить Войсковому Правительству принять участие в конференции, созываемой в Екатеринодаре 20 сентября 1917 г. по этому вопросу, с правом делегировать от имени Войска представителей в союзный орган, имеющий быть созданным для защиты краевых интересов;

2. просить этот союзный орган, с участием представителей соседних областей, вольных народов и коренного не казачьего населения казачьих земель, а также сведущих лиц, разработать к Учредительному Собранию проект такого устройства края, которое, обеспечивая полную самостоятельность национальностей и крупных бытовых групп в сфере местного законодательства, суда, управления, земельных отношений, культурной и экономической жизни, в то-же время оставило бы ненарушенной тесную связь частей с целым, не поколебало бы единства и силы России» (Дениикн: Очерки Русск. смуты, т. 2, стр. 182).

20-24 сентября (по ст. ст.) в Екатеринодаре состоялась первая конференция с участием представителей трех Войсковых Правительств — Донского, Кубанского и Терского, предрешившая образование Юго-Восточного Союза, расширившая состав его на все шесть Войск, на горцев Северного Кавказа и некоторых степных народов и решившая, для оформления Союза и выработки союзного договора назначить новую конференцию во Владикавказе 15 октября, пригласив на нее всех намеченных участников Союза.

Эта вторая конференция 20 октября во Владикавказе подписала союзный договор, суть которого б. председатель об'единенного Пр-ва Союза передает так:

«борьба с анархо - большевизмом на территории членов Союза, взаимная поддержка с целью сохранения порядка и законности внутри Союза и доведение России до Учредительного Собрания, которое и правомочно установить как форму правления России, так и государственно-правовое положение казачьих областей.

Будущую Россию договор представлял как демократическую федеративную республику.

Государственное единство России предполагалось сохранить путем свободного соглашения с окраинными Областями, провозгласившими свою автономию...

Каждый член Союза по договору оставался самостоятельным в пределах своих автономных прав. Никаких ограничений местной власти в пользу союзной не было установлено. ,

Во главе Ю. В. Союза было поставлено об'единенное Правительство в составе двух представителей от правительства каждого члена Союза, а от горцев в числе четырех.

Об'ем и пределы власти союзного правительства не были определены договором. Указывалось только, что члены Союзного Правительства получают директивы от своих правительств по принадлежности и что они ответственны перед своими правительствами, которым периодически докладывают о деятельности Об'единенного Правительства». (Дон. Лет. т. 2, стр. 285).

В образовании Союза приняли участие и в него вошли Войска: Донское, Кубанское, Терское и Астраханское, Горцы Севрного Кавказа и Калмыки. Присоединились потом Войска: Яицкое и Оренбургское. Губернии Ставропольская и Черноморская тоже заявили о своем присоединении к Союзу.

«Юго-Восточный Союз Казачьих Войск, горских народов Кавказа и вольных народов степей» родился в ту тяжелую для Казачества осень 1917 года, когда уже наметился раскол между казачьим «тылом» и «фронтом» (как тогда говорили), приведший к страшному ослаблению казачьих сил, парализовавший тогда всякое казачье дело, приведший к захвату казачьих территорий большевиками зимою 1917-1918 года. Волна русского большевизма захлестнула на время и Союз и всех участников его.

Но если бы события той зимы сложились для Казачества и менее грозно, Юго-Восточный Союз, в той форме, в какой он был образован, все равно был обречен на неудачу.

Правильная, по существу, мысль была осуществлена неправильно. Союзный договор хотел удовлетворить двум началам — русскому и казачьему, хотел служить интересам России и интересам Казачества.

Служа интересам России, союзный договор возлагал на Казачество непосильную задачу доведения ее до Учредительного Собрания.

Созданный для службы интересам Казачества, Союз в договоре своем сделал все, чтобы осуществление этой своей задачи сделать невозможным.

Юго-Восточный Союз не был государством, это была целевая организация да при том еще временная (в представлении председателя его Правительства).

Хотя во главе Союза и было поставлено Об'единенное Правительство, но власти и силы оно не имело никакой. Члены Союза не уступили союзной власти никаких своих прав, не снабдили Союзного Правительства никакими полномочиями.

Об'единенное Правительство Союза, составленное из делегатов — по два от каждого Войска и четырех горцев, правительством по существу не было. Это был, собственно, комитет без полномочий и власти.

Как только это правительство собралось, оно сейчас же увидело, что если оно будет придерживаться союзного договора, то делать ему нечего. оно обрекалось тем договором на полное бездействие. Поэтому Об'единенное Правительство, вместо того, чтобы править, занялось выработкой но-

вой конституции Союза, предложив членам его передать в ведение союзной власти:

1. пути сообщения и связи (почта и телеграф), 2. военные дела, 3. финансы, 4. управление торговлей и промышленностью и 5. внешние сношения.

Приняв это решение, члены Об'единенного Правительства раз'ехались для доклада своим правительствам проекта новой конституции Союза, но с'ехаться снова уже не могли из-за всеобщей разрухи и утери связи. Юго-Восточный Союз фактически перестал существовать.

Новую конституцию Союза успел принять только Дон.

Итак: образование Союза и его основная цель отвечала вполне интересам Казачества, но эта цель искривлялась непосильным и не отвечающим интересам Союза бременем служения России. Осуществление же основной цели Союза сами члены его сделали совершенно невозможным, не дав Союзу ни компетенции, ни власти, ни средств. — Нельзя, чтобы участники Союза не поступились частью своих прав в пользу целого. Нельзя ставить Союзу большие задачи и не давать ему ничего для ее достижения.

Для нас сейчас образование «Юго-Восточного Союза казачьих Войск, горских народов Кавказа и вольных народов степей» — правильное тогда и приемлемое по своей идее, представляет пример только того, как не нужно такие дела делать...

Мы, вольные казаки, принимаем общую казачью идею Союза: мы отвергаем «поправку», внесенную в него началом русским; мы усиливаем самый Союз до государства на той же территории, какая принадлежала ему и тогда.

Юго-Восточный Союз прекратил свое существование, но идея его не умерла. Даже такой противник казачьей самостийности, как б. председатель Донского Круга В. А. Харалмов, считает, что «идея казачьего об'единения жива и воплотится в жизнь».

Он же свидетельствует, что каждая сессия Донского Войскового Круга выносила постановление о неотложной необходимости осуществления идеи Юго-Восточного Союза. То же было на Кубани и на Тереке (Донская Летопись, кн. 2, стр. 292).

Нет ничего неожиданного и нового, поэтому, в том, что уже через полгода идея эта возродилась в проекте б. Донского Атамана ген. Краснова о создании «Доно-Кавказского Союза».

В июле 1918 г. ген. Краснов предложил следующий проект конституции Доно-Кавказского Союза:

«1. Доно-Кавказский Союз состоит из самостоятельно управляемых государств: Всевеликого Войска Донского, Кубанского Войска, Терского Войска, Астраханского Войска и союза Горцев Северного Кавказа и Дагестана, соединенных в одно государство на началах федерации.

2. Каждое из государств, составляющих Доно-Кавказский Союз, управляется во внутренних делах своих согласно с местными законами на началах полной автономии.

3. Законы Доно-Кавказского Союза разделяются на общие для всего Союза и местные, каковые каждое государство имеет свои.

4. Доно-Кавказский Союз имеет свой флаг, свою печать и свой гимн.

5. Во главе Доно - Кавказского Союза стоит Верховный Совет: из Атаманов (или их заместителей) Донского, Кубанского, Терского, Астраханского и главы Союза Горцев Северного Кавказа и Дагестана, избирающих из своей среды Председателя, который и приводит в исполнение постановления Верховного Совета.

6. При Верховном Совете периодически собирается не менее раза в год Сейм представителей от населения государств, входящих в Доно - Кавказский Союз.

7. Сейм собирается распоряжением Верховного Совета, об'явленным через его Председателя, и вырабатывает обще - государственные законы, утверждаемые Верховным Советом.

8. Доно-Кавказский Союз имеет общую армию и флот. Командующий всеми вооруженными силами Союза назначается Верховным Советом.

9. Доно-Кавказский Союз имеет следующих общих министров, назначаемых Верховным Советом:

Иностранных дел, военного и морского, финансов, торговли и промышленности, путей сообщения, почт и телеграфа, государственного контролера и государственного секретаря.

10. Временной резиденцией Правительства Доно-Кавказского Союза об'является город Новочеркасск.

11. Доно-Кавказский Союз имеет общие: монетную систему, кредитные билеты, почтовые и гербовые марки, общие тарифы: железнодорожные, таможенные и портовые, а также почтовые и телеграфные.

12. Доно-Кавказский Союз, провозглашая себя самостоятельной Державой, об'являет вместе с тем, что он находится в состоянии нейтралитета и, не будучи в состоянии войны с какой либо Державой мира, борется лишь с большевитскими войсками на его территории.

13. Доно-Кавказский Союз намеревается и впредь поддерживать мирное отношение со всеми Державами и не допускать вторжения на свою территорию никаких войск, хотя бы для этого пришлось отстаивать интересы свои и своих граждан вооруженной силой.

14. Доно-Кавказский Союз настоящим из'являет свое намерение вступить в торговые и иные сношения с державами, которые признают его державные права.

15. Границы Доно-Кавказского Союза очерчиваются на особой карте, причем в состав территории Союза входят Ставропольская и Черноморская губернии, Сухумский и Закатальский округа и, по стратегическим соображениям, южная часть Воронежской губернии со станицей Лиски и городом Воронежом, а также часть Саратовской губернии с городами Камышином и Царицыном и колонией Сарепта.

16. Доно-Кавказский Союз выражает уверенность, что нарождение его будет благоприятно принято всеми Державами, заинтересованными в его существовании, и что оне не замедлят прислать своих представителей, равно как и Союз не замедлит послать свои дипломатические Миссии к признавшим его Державам».

Проект ген. Краснова шел дальше, чем союзный договор Юго-Восточного Союза. Он уже говорил о казачьем государстве, о казачьей федерации и рассчитывал почти на тех же членов, что и Союз 1914 года. Но и этот проект имел недостаток, гарантировавший ему неуспех, даже если бы и дошло к его практическому осуществлению. И этот проект не создавал действительного правительства того государства, которое хотел строить. Нельзя возглавлять государство, хотя бы и федеративное, многоголовым советом даже в глубоко-мирное время, а тем более во время борьбы за самое право на существование и государства, и составных частей его. Нельзя удовлетворить сразу двум условиям: иметь сильное государство и не дать этому государству сильной власти.

Проект ген. Краснова так и остался всего лишь проектом. Против «Доно-Кавказского Союза» восстало прежде всего командование Добрармии во главе с ген. Деникиным. Последний так формулирует уже заграницей свои возражения против предлагавшейся казачьей федерации:

«Некоторые положения этого акта (проекта «Д.-К. Союза». Ред.) являлись совершенно несовместимыми с идеологией Добровольческой армии. Создание «суверенного государства» в корне противоречило идее Единой России... Создание вооруженных сил «Союза», имеющих задачей «борьбу с большевицкими войсками» лишь «на его территории», лишало всякого смысла жертвы добровольцев, приносимые во имя спасения России. Ген. Алексеев, я, тысячи, тысячи офицеров, поступавших сознательно в армию, не могли относиться к подобным актам только как к «политическим трюкам» или «клочкам бумаги»: практика новообразований с явным превалированием чисто областных интересов, до стремления к примирению с большевиками включительно, не вызывала в этом отношении сомнений. Добровольческой армии предстояло или стать орудием сомнительной областной политики, творимой Радой, Кругом и прежде всего изменчивым настроением Казачества, или оставить территорию «союза», распростившись с надеждами на прочную политическую и военную базу, создание которой потребовало стольких усилий и жертв. Вернее — второе. Ибо первое было психологически невозможно ни для руководителей, ни для массы «русских» добровольцев»... (Деникин, т. 3, стр. 247).

Не приняла проекта ген. Краснова и Кубань, прежде всего потому, что тогдашний Кубанский В. Атаман Филимонов был предан ген. Деникину и не мог ни в чем пойти против его воли. К сожалению, не отличалось тогда решительностью и Кубанское Правительство... Не менее важную роль в данном случае играло и существовавшее у кубанцев недоверие к самому ген. Краснову, не отличавшемуся постоянством своих политических убеждений. — Действительно, вскоре после своего предложения «Доно - Кавказского Союза» ген. Краснов сделал ген. Алексееву предложение прямо противоположное существу своего предложения первого:

«Я бы пошел дальше, писал ген. Краснов ген. Алексееву. — Полное об'единение Дона и Кубани, связанных общими интересами, послужило бы к началу воссоздания единой, неделимой России... Настало время создавать общих министров финансов, путей сообщения, продовольствия, юстиции; а впоследствии, когда яснее станет общая политика и менее разбросан фронт, — то и министра иностранных дел, военного, морского... полагал бы иметь общих по соглашению между Вашим Высокопревосходительством, Атаманом Кубанского Войска и мною»...

Это предложение ген. Алексееву вкорне отрицало вчерашний проект того же автора «Доно-Кавказского Союза».

Оглядываясь сейчас назад, можем только пожалеть, что проект Доно-Кавказского Союза остался не осуществленным. Следовало, приняв его в основание союзной конституции и внеся необходимые поправки, начиная с территории (Воронеж и Сухум нам не нужны) и имени нового госусарсгва и кончая организацией более сильной власти, — следовало провести его в жизнь. Тогда это могло спасти положение Казачества, даже если бы Добровольческая армия и оставила территорию Союза.

Но, прошлого не воротишь. Пусть же оно хотя наукой будет хорошей... В прошлом казаки не захотели растаться со своими Атаманами ради одного Атамана, сами Атаманы не прочь были возглавить Казачий Союз своим Советом и... пришлось поставить на карту судьбу самого Казачества...

Меньше, чем через год после неуспеха проекта Доно-Кавказского Союза, вопрос о Союзе снова стал на очередь дня.

Уже в феврале 1919 года Кубань сделала предложение о созыве в Екатеринодаре 5 мая конференции представителей казачьих и всех кавказских государственных образований и Крыма для решения вопроса о Совзе. Но мысль эта осталась неосуществленной благодаря оппозиции со стороны ген. Деникина («Расценивая подобный с'езд, как демонстрацию центробежных по преимуществу сил, я отнесся к нему резко отрицательно»... Деникин, т. 5, стр. 200).

Через три месяца аналогичную инициативу взял на себя Дон. В конце мая 1919 г. председатель Донского В. Круга г. Харламов разослал следующую телеграмму: «Войсковой Круг В. В. Д. считает необходимым немедленно приступить к воссозданию Юго-Восточного Союза, в составе Войск: Донского, Кубанского и Терского. Для разработки вопроса об организации Союза Войсковой Круг предлагает немедленно создать комиссию... Признавая очень важным возможно скорейшее начало работ комиссии, Войско Донское предлагает срок начала работ на 3 июня. Местом работ комиссии Дон предлагает Ростов»...

Господин Харламов приезжал сам в Екатеринодар, чтобы убедить кубанцев принять предложение Дона. Кубанская Законодательная Рада внесла свое пожелание о привлечении в проектируемый Союз Яицкого и Оренбургского Войск, Кавказа и Украины. Одновременно Рада приняла следующую резолюцию: «Поручить членам делегации Куб. Зак. Рады предложить Конференции выработать в первую очередь прелиминарный договор, которым не допускались бы обособленные выступления какой либо из договаривающихся сторон, могущие нарушить общие интересы Союза». — К сожалению, того, что хотели предупредить кубанцы, принимая такое решение, предупредить они не смогли. Обособленное выступление, как увидим ниже, состоялось и оно не только нарушило общие интересы Союза, но сняло с очереди дня и самый Союз.

11 июня Конференция собралась в Ростове в составе представителей трех Войск: Донского, Кубанского и Терского. В первом же заседании было решено: членами Конференции могут быть только представители государственных образований (пользуемся тогдашней терминологией), голосование при решении вопросов производится не персонально, а по государственным образованиям.

Торжественное открытие конференции состоялось 13 июня, а в ту же ночь (т. е. в ночь под 14 июня) был убит глава Кубанской делегации Н. С. Рябовол...

Созыв казачьей конференции все единонеделимцы встретили весьма враждебно. Ген. Деникин (т. 5, стр. 201) подтверждает, что российская общественность и печать отнеслись к конференции с единодушным и резким осуждением. Осуждение это было столь велико, что часть этой «общественности» не остановилась и перед убийством лидера кубанских самостийников, которые, по уверению того же Деникина, только они одни проводили ярко и настойчиво идею Союза «в противовес общегосударственной власти»...

Убийство главы Кубанской делегации было одновременно и концом не успевшей как следует открыться Казачьей конференции для образования Казачьего Союза.

Кубанская делегация уехала вместе с телом своего председателя в Екатеринодар на его похороны. А через несколько дней, ровно на 7-й день после убийства Рябовола, 20 июня, Донская и Терская делегации, пользуясь отсутствием кубанцев, приняли следующее решение:

«Признать безотлагательную неободимость организации временной общегосударственной власти на Юге России на основе представительства от государственных образований Юга России и главного командования В. С. Ю. Р.»

То, чего боялись кубанцы, случилось. Донская и Терская делегации, в отсутствие делегации кубанской, изменили задачи самой Конференции, идею создания Казачьего Союза подменили задачей создания «общегосударственной» власти во главе с ген. Деникиным.

Чтобы оценить в полной мере решение донцов и терцев 20 июня, надо не забывать, что в тот же день в городе Царицыне, только три дня тому назад взятом кубанцами, ген. Деникин издал свою «Московскую директиву»...

Своим актом 20 июня донцы и терцы создавали опору ген. Деникину в его походе на Москву. И ген. Деникин надлежащим образом оценил услугу, оказанную ему в этот день правящими Доном и Тереком... Уже заграницей он оценивает акт 20 июня следующим образом:

«Это неожиданное для многих, и в том числе для кубанцев, превращение конференции о Казачьем Союзе — в конференцию об организации южнорусской власти представлялось тогда огромным шагом вперед в области устроения Юга и консолидации сил его в борьбе с большевиками»... (Деникин, т. 5, стр. 202).

Таким образом, и на этот раз дело образования Казачьего Союза не удалось, — на этот раз по вине исключительно самих казаков, а в первую очередь инициаторов конференции...

С этого времени Казачья конференция меняется в так наз. Южно-Русскую конференцию и, как таковая, нас в данном случае не интересует. Если мы и скажем о ней ниже несколько слов, то исключительно для того, чтобы лучше об'яснить мысль о созыве первого Верховного Круга Дона, Кубани и Терека.

Решением Донской и Терской делегаций об изменении характера конференции Кубань была поставлена в весьма затруднительное положение. Присоединиться к донцам и терцам в данном случае кубанцы не могли, т. к. они вообще не признавали политической программы ген. Деникина. Не присоединиться — значило остаться в одиночестве, т. к. было ясно, что правящие круги Дона и Терека попробурт пойти на подчинение ген. Деникину и без кубанцев, что в рассчеты последних тоже не входило. А что эти опасения не были безосновательны, свидетельствует заявление председателя Донского В. Круга В. А. Харламова своим русским политическим единомышленникам на конференции кадетской партии в Ростове 29 июня: ...«Переговоры между государственными образованиями и командованием не должны пугать: это не договор и не сговор, а только форма, обстановка для безусловного подчинения»...

В конце концов кубанцы остановились на следующем: чтобы не рвать с донцами и терцами, они, считаясь с совершившимся фактом, примут участие в новой конференции, но на соглашение с ген. Деникиным об образовании «Южно - русской власти» не пойдут и постараются удержать от того и самих донцов и терцев.

Прежде всего кубанцы настояли на перенесении конференции в Екатеринодар, где она и открылась 8 июля.

Дальше кубанцы же настояли на том, что раньше, чем говорить с ген. Деникиным, казакам надо столковаться между собою.

Чтобы достичь поставленной себе задачи, самостийная часть кубанской делегации, зная хорошо

своих противников, решила добросовестно защищать федерацию.

Потом начался многомесячный торг. Представители ген. Деникина не шли не только на федерацию, но и автономию казакам давали настолько куцую, что даже их единомышленники и горячие сторонники соглашения не решались принять предложения деникинцев и понести их пославшим их — на Донской и Терский Войсковые Круги.

В конце концов, в декабре 1919 г., дня за два до оставления города Ростова, где заседала тогда конференция, соглашение между ген. Деникиным и делегациями донской и терской состоялось; кубанцы от соглашения уклонились. Но события шли тогда таким темпом, что после закрытия последнего заседания конференции, ни о конференции, ни о принятых ею решениях никто даже и не вспомнил...

Идя на Южно-Русскую конференцию со своими собственными намерениями, кубанские делегаты хорошо понимали, что это не выход из создавшегося, для Казачества довольно тяжелого, положения. Настоящий выход надо было только искать.

К осени среди кубанцев начинает складываться желание поговорить не с главарями донскими и терскими, а непосредственно с донскими и терскими казаками. Кубанцы не верили, что, напр., В. А. Харламов в точности отвечает чаяниям и надеждам донских казаков. В октябре месяце в Новочеркасск, где тогда заседала Конференция, прибыла специальная делегация Кубанской Законодательной Рады. Здесь и оформилась окончательно мысль о созыве Верховного Круга Дона, Кубани и Терека.

Таким образом, инициатива созыва первого казачьего Верховного Круга принадлежала кубанцам.

Верховный Круг Дона, Кубани и Терека собрался 5 января 1920 г. в Екатеринодаре в составе 150 депутатов — по 50 депутатов от каждого Войска, избранных соответственно на Больших Кругах и Краевой Раде.

Ожидание кубанцев о том, что поведение председателя Донского Войскового Круга В. А. Харламова не удовлетворяет и самих донских казаков, оправдалось вполне: Донским В. Кругом он не был избран депутатом Верховного Круга, что равносильно было выражению недоверия... Но сами кубанцы пришли на В. Круг значительно ослабленными ноябрьскими событиями на Кубани.

Верховный Круг разделился вначале на две почти равные части — самостийников и сторонников соглашения с ген. Деникиным (самостийники имели большинство всего в несколько голосов). Самостийное крыло Круга составляли большинство донцов и кубанцев. Противное крыло состояло из терцев и части донцов и кубанцев. При таком соотношении сил Верховный Круг не мог взять бескомпромисного курса ни в одну, ни в другую сторону.

Инициаторы созыва Верховного Круга хотели поставить для него задачей создание как раз того Союза, для заключения которого в июне 1919 г. была созвана Казачья Конференция в Ростове, но которая, стараниями главным образом тогдашнего правящего Дона, превращена была в конференцию «Южно-Русскую».

Верховный Круг собрался в чрезвычайно трудных условиях: Дон занят был большевиками, Кубань и Терек были уже под непосредственными ударами советских армий. В такое время нужны не только правильные решения, но и быстрое их осуществление, на что В. Круг, в силу отсутствия единодушия, способен не был...

9 января Круг принял следующее постановление:

«Верховный Круг Дона, Кубани и Терека является верховною властью для Дона, Кубани и Терека в отношении дел, общая для данных государственных образований».

А через три дня Круг об'явил:

«Мы, избранники Донского Войскового Круга, Кубанской Краевой Рады и Терского Большого Войскового Круга... берем в свои руки Верховную власть по делам общим для Дона, Кубани и Терека и устанавливаем следующее положение о Верховном Круге:

Верховный Круг является полномочным представительством государственных образований Дона, Кубани и Терека и ставит себе задачи:

а) установление Союзного Государства, составленного из указанных выше территорий, с возможностью расширения пределов Союзного Государства включением новых областей на основах союзной конституции и по свободному волеиз'явлению тех областей;

б) создание союзной власти.

Имеющая быть выработанной конституция вступает в силу с момента принятия ее Верховным Кругом».

Идя на уступки весьма значительному своему меньшинству, Круг постановил, что «Союзная конституция и союзная власть устанавливаются на время до создания Общегосударственной власти Всероссийским Учредительным Собранием». — Противники казачьей самостийности, принимая такое решение, терпели ее, как «временное зло», а сами самостийники, идя на компромисс, рассчитывали, что временную самостийность гораздо легче потом можно будет обратить в постоянную...

Нечего и говорить о том, как встретили Верховный Круг и его первые решения русская общественость и русская пресса, нашедшие тогда приют на Казачьих Землях, не говоря уже о ген. Деникине и его окружении.

Для иллюстрации оценки и отношения единонеделимцев к Кругу приведем несколько отзывов о нем вождей и деятелей «белого дела» из 5 тома Деникина: «Очерки Русской Смуты»:

«Отсутствие национальной идеи, убогая мысль, потеря чувства реальности, оторванность от народных масс, личные и партийные интересы»... («оценка» Верховного Круга ген. Деникиным. стр. 292).

«Идея самостоятельного казачьего государства и самостоятельной казачьей армии под влиянием кубанских самостийников по началу стала брать верх на Круге»... (стр. 294).

...«Создается совершенно ненужный союз. Предатели затевают нечестную кампанию и ставят

крест на нашем существовании»... (Ген. А. П. Богаевский, стр. 296).

...«Изменение лозунга борьбы и замена идеи борьбы — борьбой за собственный очаг, за собственную шкуру — означает конец этой борьбы... Самостоятельное казачье государство для нас немыслимо... Единственная речь, произнесенная на Верховном Круге, напоминавшая о государственной идее и говорившая об обще-государственной власти, единственная речь — говорю это с болью в сердце — вышла из уст осетина Баева, представителя Терского Войска»... (В. А. Харламов, стр. 297).

«Тяжелая обстановка и атмосфера на Круге... Там слово «Россия» произнесено быть не может»... (Председатель Терского Круга Губарев, стр. 297).

«Екатеринодар устранил Россию, создал казачье государство, формирует самостоятельную армию и готовится принять всю полноту власти военной и гражданской на юго-востоке»... (ген. Деникин, стр. 300).

«Вершители дел на Круге — группа донских и кубанских самостийников»... (ген. Деникин, стр. 304).

— Сторонники русского «белого дела» мобилизовали все свои силы. Донской и Терский Атаманы и старшие военные начальники во главе с командующим Донской армией ген. Сидориным стали на сторону ген. Деникина. Кубанский Атаман Букретов играл неясную двойную роль. Верховный Круг попробовал найти главнокомандующего казачьей Доно-Кубано-Терской армией и... не нашел его... Пробовал говорить с «союзниками» и получил резкий отпор...

Начались снова переговоры с ген. Деникиным. В конце января состоялось соглашение, о котором и сам Деникин говорит: «Обе стороны пришли к соглашению под влиянием обстановки; без особой радости и больших надежд»... (Том 5, стр. 307).

Сбитый со своего пути этим соглашением, Верховный Круг не выполнил той основной задачи, ради которой собирался. Компромисс и на этот раз не решил ни одной задачи и никого не удовлетворил.

Меньше, чем через месяц, Верховный Круг аннулировал свое соглашение с ген. Деникиным и решил приступить к организации союзной власти. Но, было уже поздно: пал Владикавказ, а за ним и Екатеринодар... Через полтора месяца разыгрался и последний акт казачьей трагедии — на Черноморском берегу...

— На примере Верховного Круга мы опять таки видим две казачьих воли: одну — свободную, а другую — вынужденную. Свободная воля казачья была за казачье об'единение и государственную самостоятельность Казачества. Вынужденная воля казачя, которую русские единонеделимцы, часто при помощи «русских казаков», добывали у Казачества иногда под виселицей, — та воля к казачьей самостоятельности добавляла «впред до»...

Так шло Казачество в недавнем прошлом постепенно к единственно правильному решению своего вопроса — к самостоятельности и об'единению в одном казачьем государстве. Путь этот был не ровен и тернист. Мешали свои и чужие. Да и сами мы не выявили тогда столько упорства, сколько его было нужно. И Казачество не довело до конца ни одной своей попытки к своему спасению.

Прошлую борьбу Казачество проиграло, но оно могло ее и выиграть. Могло выиграть, если бы стало за одно — за казчье начало, за казачью цель, за казачье — и только казачье — решение своего вопроса, есели бы во-время отбросило все «впредь до»...

Будущую борьбу оно может проиграть тоже или выиграть. Проиграет, если будет повторять еще раз то, что было, если будет служить опять двум Богам. Выиграет, если поставит только на карту казачью; если, об'единившись, подчинит все только началу казачьему, если станет только на свой Казачий Шлях и твердо решит:

какой угодно ценой, но дойти к своей казачьей цели. Там — спасение Казачества. Оно — в нашем об'единении в одном казачьем государстве.

Одно казачье самостоятельное государство, в котором об'единились бы все Казачьи Войска от Дона до Урала — это не заграничная выдумка части казачьей эмиграции, а воля всего Казачества еще там, неосуществленная по разным причинам, не доведенная до конца больше всего, может быть потому, что Казачество не было подготовлено надлежащим образом к прошлому 1917 году. — Сделаем же все для того, чтобы мы были готовы к следующему 17 году.

Будем только помнить, что подготовку такую лучше начать раньше, чем поздно. Лучше поспешить, чем опоздать.

А для этого нам нужны сейчас:

Единая казачья программа,

единое политическое возглавление Казачества и

единая внутренняя и внешняя казачья политика.

Так должно быть. Так решает вопрос и ВК.

Слава Казачеству!

К сведению „русских казаков“

Приводим следующее заявление «П. Н.» в номере от 3 сего мая:

...«Мы никогда... не разделяли того взгляда, что Россия находится в плену у какой то совершенно чуждой ей, посторонней силы «интернационала», которому каким то чудесным образом удалось «задавить» 160 миллионный народ... Предпосылку о «пленении» России какой то чуждой силой мы считали столь же фактически ложной, как и оскорбительной для русского национального чувства... Россия никуда не исчезала, Россия никем не пленена... Советский режим... держится на известном соотношении внутренне-русских сил»....

Трагедия Казачества

(Очерк на тему: Казачество и Россия)

Часть III

(Июнь-декабрь 1919 г.)

Ликвидация прорыва ударной группы генерала Селивачева.

(Схема 11)

4-й Донской корпус Мамонтова, прорвав большевицкий фонт 27-28 июля у стнации Абрамовки, как мы знаем не пошел в тыл Лискинской большевицкой группе войск, а направился на север, в общем на г. Тамбов. В первые дни своего рейда Мамонтов оказался в тылу правого фланга 9-й советской армии, входившей в состав ударной группы войск Шорина. Ударная же группа советских войск ген. Селивачева при прорыве Мамонтова потеряла только два полка своей левофланговой 40-й дивизии, да из состава этой же группы была назначена для ликвидации 4-го Донского корпуса 31 стрелковая дивизия, в действительности остававшаяся в районе своего прежнего расположения.

При таких обстоятельствах большевицкое командование решилось осуществить свой основной план операций на Южном фронте — нанести сокрушительный удар по казачьим армиям как, группой Шорина с Волги, так и группой войск генер. Селивачева.

Располагая на фронте 3 и 42 дивизиями из состава 13-й сов. армии и 12, 13, 15, 16, и 40-й дивизиями 8-й красной армии, Селивачев перешел в наступление 2-го августа 1919 г. против 3-его Донского корпуса на длинном фронте от Бутурлиновки до района Нового Оскола (схема 11).

Перед самым началом этих боев фронт 3-го Донского корпуса начинался в районе станции Черняки, севернеее Н. Оскола, проходил далее на восток до района сел. Солдатка на р. Усердец, потом через сел. Глуховское северо-восточнее гор. Бирюча, далее верстах в 15-20 южнее гор. Острогожска и ст. Лиски и тянулся до района Бутурлиновки.

Общее протяжение фронта только этого Донского корпуса равнялось приблизительно 200 верстам, в то время, как силы корпуса исчислялись к этому времени всего в 8 тысяч штыков и сабель (см. донесение Комкора от 8 августа 1919 г.).

Припомним, что ударная группа красных войск генерала Селивачева насчитывала 32.800 штыков и 4000 сабель (Егоров. Разгром Деникина, стр. 112), при чем вся 8-я сов. армия действовала исключительно на фронте 3-го Донского корпуса. Следует при этом помнить и о моральном сосотянии войск Донской армии, о чем говорилось выше («Бои на границах России и Дона»).

Можно предполагать, что Штаб Донской армии или совсем не имел сведний о долго подготовляемом красным командованием генеральном ударе по 3-му Донскому корпусу или же не придавал должного значения мероприятиям красного командования. Во всяком случае, в тот самый день, когда войска ген. Селивачева уже переходили к осуществлению широко задуманной операции, командующий Донской армией приказл 3-му Корпусу: 1) оставив заслон на Старый Оскол, ударить на Быково-Круглое с задачей продвинуть Донской фронт на линию р. Потудань и развить общий успех на г. Коротояк и 2) с юга ударить на Малахин-Острогожск. Силы корпуса были слишком недостаточны для осуществления этих активных задач.

Под натиском превосходных, хорошо вооруженных сил противника уже к утру 3 августа части 3-го Донского корпуса отошли: 5-я дивизия на линию Юдин-Станкевичи-Прилепы-Владимировка, 3-я дивизия — к Алексеевке -г. Бирюч, 2-я и 8-я дивизии к Марьевке-Глинному-Погромцу (схема 11).

Донцы оказывали упорное сопротивление, переходя часто в контр-атаки и неся при этом большие потери. Следует отметить особенную доблесть левофланговой 8-й Донской дивизии, в жарких встречных боях 3-и 4 августа взявшей 500 пленных, 600 винтовок и 6 пулеметов. Но своими малыми силами 3-й Корпус не мог сдержать ударную группу красных войск. За первые три дня на фронте Н. Оскол-Острогожск Донской фронт осадил на 35 верст.

Генерал Селивачев производил главный нажим на казачий фронт между городами Нов. Оскол и Бирюч. При чем, как пояснил командир 3-го Корпуса, на этом «участке наибольшего нажима части наши располагаются следующим образом:

2-я дивизия	1200 штыков и	400 шашек
8-я дивизия	1800 штыков и	700 шашек
всего	3000 штыков и	1100 шашек»

И эти четыре тысячи бойцов занимали фронт протяжением в 60-70 верст в местах наибольшего напора русских дивизий.

Видя отступление 3-го Донского корпуса на всем широком фронте от р. Дона до Н. Оскола, ген. Деникин посылал командующему Донской армией ген. Сидорину телеграммы с выражением глубокого возмущения такими делами на Донском фронте, очевидно, забывая о том, что Донцы принуждены были отступать под напором нескольких дивизий, состоящих исключительно из братьев Деникина — русских войск, руководимых коллегою Деникина генералом Селивачевым.

В ответ на поток упреков со стороны Деникина командир 3-го Донского корпуса 8 августа указал на следующие оснвовные причины этих неудач:

1) в центре 3 корпуса «80% снарядов не разрывается, подрывая доверие войск к артиллерии»,

2) 3-й Корпус в 8 тысяч бойцов на форнте в 200 верст сражается против 40 тысяч русских при 100 орудиях с бронепоездами и бронемашинами, в то время, как в казачьем Корпусе **ужасающая слабость техники,**

и 3) крайняя неустойчивость пехоты, состоящей из мобилизованных крестьян.

Имели место, например, такие факты: ...«В районе Варваровка - Рыбальчино - Нагольное - Камышеватое при отходе большая часть мобилизованных Воронежской губ. разбежалась, захватив с собою оружие»...

Выше приведены факты в достоверности которых не может быть никакого сомнения, неопровержимо и выразительно говорят о том ужасном положении, в котором очутилось Казачество, попав в руки руководителей русского белого движения. Русское командование казаками ловко использовало казачьи силы для завоевания Украины, бросив туда для этой цели бригаду ген. Склярова в составе 42 Донского и 2 Лабинского полков, 1-ю Кавказскую и 1-ю Терскую конные дивизии и 2-ю Кубанскую и 2-ю Терскую пластунские бригады (см. выше: «Бои на Левобережной Украине», «Борьба за обладание Днепром» и соответсвующие схемы). В то же время важнейший участок всего южного фронта — гор. Короча - Н. Оскол - Острогожск — был весьма слабо защищен, чем не замедлили воспользоваться «красные» коллеги» «белых» генералов.

Кричащим, просто бьющим в глаза фактом является и следующее: по понятным причинам во время войны 1919 г. сравнительно легко можно было налаживать, как военную, так и политическую разведку; несмотря на это, штаб Деникина или ничего не знал о подготовлявшемся в течение месяца ударе русских-красных группы Селивачева, или же не обращал должного внимания на происходящее планомерное накопление войск противника...

Широкий прорыв белого фронта красными войсками и чрезвычайно быстрое их распространение в сторону городов Валуек, Купянска, Волчанска и Белгорода, естественно вызвали весьма большую тревогу в штабах Добровольческой, Донской и Кавказской армий, тем

более, что в это самое время главная ударная группа русских войск Шорина, в составе 9-й и 10-й армий, тоже успешно продвигалась вперед вниз по течению рек Волги, Медведицы и Бузулука, а 11-я советская армия вела против казаков атаки за Волгою и на правом берегу нижнего течения этой реки. Надо было как-то выходить из создавшегося грозного положения в самом центре антибольшевицких армий Южного фронта.

Но где взять войска для этого? Красные дивизии Селивачева, ободренные первоначальными успехами, быстрыми маршами продвигались вперед и несли с собою совершенно реальную угрозу захвата даже г. Харькова, где, как известно, находился штаб командующего Добровольческой армией ген. Май-Маевского.

Генерал Деникин и его штаб прекрасно понимали, какую большую опасность для Казачьих Земель представляла из себя продвигающаяся вперед лавина 10 и 9 красных армий, ворвавшихся уже на Донскую территорию. Деникин так же был отлично осведомлен о том, что с запада, со стороны р. Збруча, в то время войска Украинской Народной Республики вели успешное наступление в сторону Киева и Одессы. Русские руководители белого движения абсолютно достоверно знали так же и о понесенном «Правителем России» Колчаком генеральном поражении от войск красной России.

При создавшейся боевой и политической обстановке на фронтах борьбы большевицких и антибольшевицких сил само собою напрашивался для проведения в жизнь казачье-украинский Союз. Но между этими двумя силами впутались силы белой России, военный руководитель которых, к тому же, командовал казачьими армиями.

Деникин, выражая волю и желание подавляющего большинства «белых» русских, решил 1) при помощи казаков продолжать безостановочное движение на запад с целью захвата столицы Украины — Киева, 2) предоставить самим казакам вести борьбу против нахлынувших на Донскую Землю русских войск группы Шорина и 3) ударную группу «красного» генерала Селивачева ликвидировать силами все тех же казаков.

Происходило удивительное явление: «красный» генерал Селивачев протягивал вооруженную руку к самому Харькову, к штабу Доброволии, а «белый» генерал Деникин в это время просовывал свою руку к Киеву. Если отбросить весьма условные названия русских генералов — «красный» и «белый», суть русской политики в отношении Казаков и Украины станет совершенно ясной.

В описываемое время славный корпус Мамонтова, действуя в глубоком тылу и Селивачева и Шорина, захватил базу красного Южного фронта — гор. Тамбов и из гор. Козлова стальной метлой вымел весь русский штаб этого противо-кзачьего и противо-украинского фронта. И не простым стечением обстоятельств, а железной логикой происходящих грандиозных событий было то, что Деникин принужден был силами казаков спасать свой добровольческий штаб в Харькове.

Сколько раз уже казаки спасали Добровольческий штаб в 1918 и 1919 г.! Так было и теперь. Только что казаки 1-й Кавказской дивизии захватили прадавний казачий гор. Черкассы на Днепре, только что казаки этой дивизии, совместно с казаками 2-й Терской пластунской бригады, взяли станцию Бобринскую, как немедленно казачью конницу курьерскими поездами через Полтаву бросили к Харькову.

К г. Белграду, из района станции Басы, бросили 1-ю Терскую конную дивизию.

Из этих двух дивизий составили 3-й Конный корпус во главе с ген. Шкуро. Этот корпус подчинили непосредственно командующему Добр. армией ген. Май-Маевскому.

Для характеристики действий штаба Деникина в это жаркое время отметим следующий факт: когда ударная группа Селивачева прорвала тонкую линию фронта 3-го Донского корпуса и, быстро продвигаясь вперед, захватила уже города Новый Оскол и Бирюч и приближалась к г. Валуйки и г. Волчанску, начальник штаба вооружен. сил Юга России, ген. Романовский, 7-го августа предупреждающе телеграфировал из Таганрога в Харьков Май-Маевскому: ...«Установлено сосредоточение значительных сил красных в районе Острогожска-Бирюча для ведения широкого наступления в направлении на Валуйки-Купянск» и т. д. Штаб Деникина шел позади событий....

Так как войска были все время в движении, положение фронта беспрерывно менялось. К 12-му августа в общем в местах соприкосновения казачьих сил с войсками ген. Селивачева, фронт проходил: несколько южнее г. Павловска, что лежит на р. Дону, далее тянулся на запад через Побединскую, поворачивал на юго-запад на Новопостоялый, Ольховатку Могильный, Лопасной, далее поворачивал на юг — на Избушку, Белый Колодец, спускался к селению Кисловка, что лежит верстах в 15 к юго-востоку от г. Купянска; заняв этот последний город, красные держались пассивно, так что Донской бронепоезд мог обстреливать самый г. Купянск; из района Купянска фронт поднимался на северо-запад к р. Северному Донцу примерно у Старого Салтова, потом шел прямо на север несколько западнее г. Волчанска и г. Корочи, но восточнее сел. Нов. Слободки (схема 11)

Если сравнить положение фронта перед началом наступления дивизий Селивачева, 2 августа, с выше указанным положением фронта к 12 августа, увидим, что за 10 дней красные успели продвинуться вперед: по линии Лиски-Евстратовка верст на 40, по линии Н. Оскол-Волчанск верст на 100 и на линии Короча Алексеевка, что на р. Тихая Сосна, — Лопасной верст на 60, по линии Нов. Оскол — Купянск или Бирюч-Купянск верст на 140, по линии Н. Оскол-Волчанск верст на 100 и на линии Короча-Белград верст на 30. Основание большого русского клина, вбитого Селивачевым между Донской и Добровольческой армиями, по линии Короча-Павловск равно было приблизительно 200 верстам, а высота — около 100-120 верст.

Решено было ударом Кубанцев и Терцев с юго-запада и с запада, со стороны Харькова-Белгорода в направлении на Волчанск-Нов. Оскол, и ударом Донцов в направлении в общем на г. Бирюч срезать у основания этот русский красный клин.

Состав, расположение и задания 3-го Конного корпуса ген. Шкуро перед самым началом этой операции, решающей судьбу фронта, видны из приказа по этому корпусу данного в г. Харькове 12 августа:

«Приказ 3-му Конному Корпусу № 0723. Гор. Харьков. 12 августа 1919 г. Красные развивая прорыв против левого фланга Донской армии, 11 августа заняли Волчанск. Разведка 1-й Терской дивизии на фронте Скриково-Нечаево оттеснена красными на правый берег р. Короча. Атаки противника в районе города Корочи усиленно отбивались 1-й пехотной дивизией. Согласно указаниям Командарма я решил разбить группу красных, действующих на фронте Волчанск-Короча и, развивая успех, овладеть городом Валуйки.

Во исполнение сего приказываю:

1) Генералу Шифнер - Маркевичу (Партизанская-Кубанская бригада со 2 и 3 батареями, полтора батальона Самурского полка и батарея 3-ей артил. бригады), **сосредоточившись в городе Харькове** и, наступая через Веселое, атаковать группу красных, занявших г. Волчанск. Для обеспечения высадки и разведки на фронте Старый Салтов и Волчанск в Веселое выдвинуть головной дивизион 1-го Партизанского полка. Подробную ориентировку получить в Штакор 1-го Армейского.

2) Генералу Агоеву с 1-й Терской дивизией, прикрывая восточные опушки лесов на фронте Стариково-Тюрино, сосредоточиться 12 августа для занятия исходного положения для атаки в районе Сетное-Тюрино.

3) Хоперской бригаде — Кубанская из состава 1-й Кавказ. дивизии, — оставаясь в моем резерве и прикрывая опушки лесов (на фронте) Шебекино- Стариково исключительно, сосредоточиться 12 августа в районе Меловой-Ушаково.

4) Волчанскому дивизиону и Стрелковому полку 1-й Терской дивизии и 1-й Кавказской оставаться в моем резерве в гор. Белгороде,

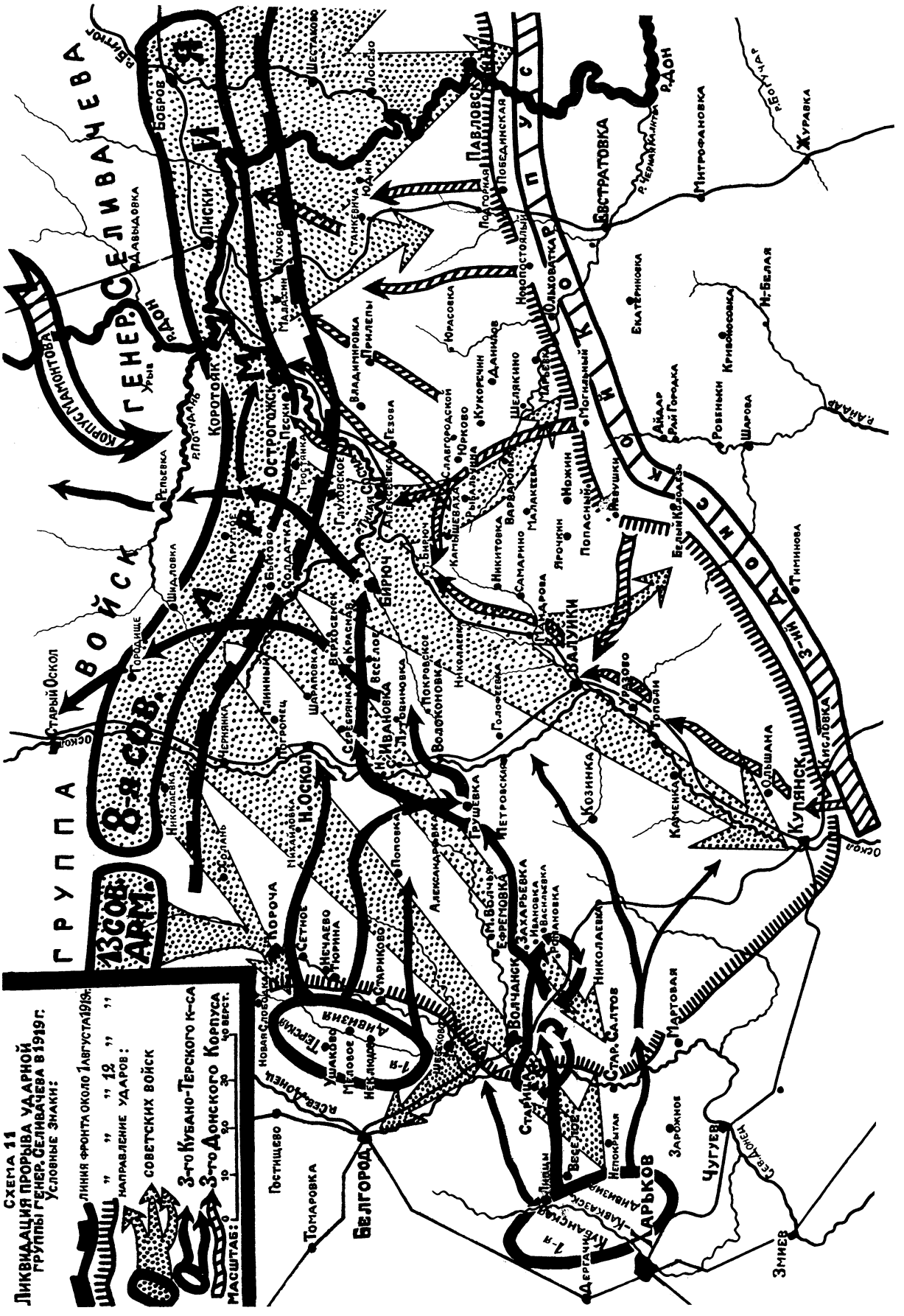
Схема 11
Ликвидация прорыва ударной группы генер. Селивачева в 1919 г.
Условные знаки:
линия фронта около 1 августа 1919 г.
направление ударов:
советских войск
3-го Кубано-Терского к-са
3-го Донского корпуса
Масштаб: 0 10 20 30 40 верст.
ГРУППА ГЕНЕР. СЕЛИВАЧЕВА
КОРПУС МАМОНТОВА
8-я СОВ. АРМ.
13 СОВ. АРМ.
Н. ОСКОЛ
БЕЛГОРОД
ХАРЬКОВ
БИРЮЧ
ВАЛУЙКИ
КУПЯНСК
ПАВЛОВСК
ЕВСТРАТОВКА
ЛИСКИ
КОРОТОЯК
ОСТРОГОЖСК
СТАРИЦА
ВОЛЧАНСК
ЕФРЕМОВКА
ПЕТРОВСКИЙ
ГРУШЕВКА
ИВАНОВКА
СОСНА
ГЛУХОВСКОЕ
ВЕРХОСЕНСК
КРАСНАЯ
ВЕСЕЛОЕ
ПОКРОВСКОЕ
ВОЛОКОНОВКА
ГОЛОФЕЕВКА
ПОПОВКА
СТАРИКОВО
НЕЧАЕВО
ТЮРИНА
СЕТНОЕ
КОРОЧА
ТОМАРОВКА
ГОСТИЩЕВО
ЧУГУЕВ
ЗМИЕВ
ЗАРОЖНОЕ
МАРТОВАЯ
СТАР. САЛТОВ
НИКОЛАЕВКА
ЗАХАРЬЕВКА
ИВАНОВКА
ВАСИЛЬЕВКА
РОМАНОВКА
М. ВОЛЧЬЯ
АЛЕКСАНДРОВКА
ШАРАПОВКА
ГЛИНИНЫЙ
ГРОМЕЦ
ЧЕРНЯНКА
СОЛАНЬ
НИКОЛАЕВКА
ШИДЛОВКА
ГОРОДИЩЕ
СТАРЫЙ ОСКОЛ
РЕЛЬЕВКА
КРУГЛОЕ
БЫКОВО
СОЛДАТКА
ТРОСТЯНКА
ПЕСКИ
ГЕЗОВА
ПРИЛЕПЫ
ВЛАДИМИРОВКА
МАЛАХИН
ПУХОВО
СТАНКЕВИЧА
ЮДИН
ЛОСЕВО
ШЕСТАКОВО
БОБРОВ
ДАВЫДОВКА
УРЫВ
р. ДОН
р. ПОТУДАНЬ
р. БИТЮГ
р. СЕВ. ДОНЕЦ
р. ОСКОЛ
р. ДОН
р. ЧЕРНАЯ КАЛИТВА
р. БОГУЧАР
р. АЙДАР
ЖУРАВКА
МИТРОФАНОВКА
ЕКАТЕРИНОВКА
КРИВОНОСОВКА
Н. БЕЛАЯ
РОВЕНЬКИ
ШАРОВА
АЙДАР
РАЙ ГОРОДКА
ТИМИНОВА
КИСЛОВКА
ОЛЬШАНА
КАМЕНКА
ТОПОЛИ
УРАЗОВО
КОЗИНКА
ЛЕВУШКИ
ПОПАСНЫЙ
БЕЛЫЙ КОЛОДЕЗЬ
ЯРОЧКИН
НОЖИН
МАЛАКЕЕВ
МАРЬЕВКА
ШЕЛЯКИНО
МОГИЛЬНЫЙ
ОЛЬХОВАТКА
НОВОПОСТОЛЬНЫЙ
ПОБЕДИНСКАЯ
ПОДГОРНАЯ
ЮРКОВО
КУКОРЕЧНИН
ДАНИЛОВ
ЮРАСОВКА
СЛАВГОРОДСКОЙ
ВАРВАРОВКА
САМАРИНО
НИКИТОВКА
КАМЫШЕВАТАЯ
РЫБАЛЬЧИНА
АЛЕКСЕЕВКА
ИЛИЧА
СТ. БИРЮЧ
МАНАРОВА
ГОЛОФЕЕВКА
ЛИВЦЫ
ВЕСЕЛОЕ
НЕПОКРЫТАЯ
ДЕРГАЧИ
КАВКАЗСКАЯ ДИВИЗИЯ
ТЕРСКАЯ ДИВИЗИЯ
1-я
7-я
НОВАЯ СЛОБОДКА
МЕЛОВОЕ
УШАКОВО
НЕКЛЮДОВО
ШЕБЕКИНО
ЗАПОРОЖСКИЙ КОРПУС
ДОНСКОЙ КОРПУС
3-ий ДОНСКОЙ КОРПУС

Генерал Шкуро. Начштаба полк. Соколовский
1 час 40 минут, 12 вгуста 1919 г. Харьков.»

В тот же день, 12 августа, было приказано Донским войскам, находившимся в районе Могильный-Попасной - Белый Колодец - Айдара, из района Избушки-Шевцова нажимать на гор. Валуйки с востока, а через Данилов - Кукоречин - Юрково ударить в направлении гор. Бирюча.

С своей стороны, красное командование решило широко использовать первоначальные успехи группы Селивачева и потому 13 августа, давая общую директиву армиям Южного фронта, приказало группе Селивачева занять Харьков и Евстратовку, последняя на железной дороги Лиски-Новочеркасск (Егоров. Разгром Деникина, стр. 118).

Свои намерения красное русское командование проводило в жизнь русскими войсками, а белое свои стремления осуществляло — казачьими войсками.

Донская группа войск под командой ген. Гусельщикова, двигаясь в направлении на г. Бирюч, 13 августа прорвала большевицкий фронт, а 14 августа уже вышла на железную дорогу Лиски-Валуйки, на участке Алексеевка - станция Бирюч, захватила большую военную добычу и разрушила ж. д. путь. Но появление русского противника в тылу этой казачьей группы в районе Шелякино-Варваровка, принудило ген. Гусельщикова повернуть на юг. 15-го августа противник был отброшен к западу и казаки Гусельщикова сосредоточились в районе Варваровка - Марьевка - Шелякино. В связи с успехами ген. Гусельщикова было приказано всему 3-му Дон. корпусу перейти в общее наступление (схема 11).

После этого Донские части, действовавшие в районе Избушки, Ножина, Ярочкина, Малакеевой, Варваровки, Славгородской, Кулешевки, Варьевки и т. д. — все перечисленные пункты находятся верстах в 30-50 на юго-восток от гор. Бирюча и между железными дорогами Лиски-Валуйки и Лиски-Евстратовка, — проявили чудеса храбрости, прекрасно маневрировали, но в силу своей численной слабости и большого упорства противника не могли в полной мере выполнить те задания, которые им ставил штаб Деникина. В то же время Донское командование не могло усилить свой левый фланг, так как в это время Донская армия вела жаркие бои с 9-й и частью 10-й советскими армиями, всей своей массой навалившимися на Донскую Землю с северо-востока.

Обратимся теперь к действиям 3-го Конного корпуса ген. Шкуро. Начиная с 12 августа, этот Корпус, поддержанный мелкими частями Добровольческого корпуса, вел энергичнейшее наступление на фронте Короча Волчанск и южнее, встречая на своем пути упорнейшее сопротивление превосходных сил противника, часто переходя в яростные контр-атаки.

1-я Терская дивизия в районе г. Корочи нанесла решительное поражение 3-ей и 42-й советским дивизиям и принудила их к поспешному отступлению на г. Новый Оскол. При этом казачьи части понесли весьма большие потери, как в командном составе, так и в рядовых бойцах. Только 15 августа был убит командир одного из полков этой дивизии генер. штаба полковник Колесников, был тяжело ранен начальник штаба дивизии полковник Химич, контужен нач. дивизии ген. Агоев.

13-14 августа Кавказская дивизия. под руководством Шифнер-Маркевича, вела упорнейшие бои на левом берегу р. Донца в районе сел Ильмень-Ивановки-Синельниково, что лежат к югу от гор. Волчанска. Однако, после ожесточенных боев принуждена была отступить несколько на запад, за р. Северный Донец. Сосредоточившись в районе Старицы, 15-16 августа Кавказ. дивизия все же разбила противника и отбросила его на восток, за железную дорогу Волчанск-Купянск.

17-18 августа эта дивизия вела весьма упорные бои с девятью пешими и тремя конными полками русских в районе М. Волчья-Ефремовка-Белый Колодец. К утру 19 августа Кавказская дивиз. принуждена была отступить несколько на запад, за р. Северный Донец этой же дивизии заняли гор. Купянск.

19-го августа командующий Добровольческой армией ген. Май-Маевский приказал «3-му Конному корпусу **полным напряжением сил в кратчайший срок разбить эту группу красных»** (Харьков, № 08787).

Красные сражались храбро. Все же 20-го августа казаки разгромили их в районе Романовки-Васильевки-Ивновки и Захарьевки, при этом в руках казаков осталось 680 пленных, 15 пулеметов, 5 орудий и много другой добычи. После этого поражения красные дивизии хлынули на восток.

1-я Терская дивизия, работавшая между г. Короча и Н. Осколом, все время теснила перед собою 3-ю и 42-ю русские стрелк. дивизии, и 17 августа Терцы ворвались в Н. Оскол, перерезав таким образом железную дорогу Валуйки-Н. Оскол-Старый Оскол-Касторная.

После этого Терская дивизия ударила главными силами на юго-восток, в направлении Александровки-Грушевки действуя во фланг и тыл группе советских дивизий, упорно дравшихся против наступающей все далее на восток 1-й Кавказской дивизии. Как говорит официальное сообщение штаба Деникина за 20-е августа, «доблестными частями ген. Шкуро — Терской дивизией — к югу от Н. Оскола разбита бригада противника, захвачено 1600 пленных, 28 пулеметов».

21-го августа в районе Грушевки Терцы на голову разбили 12-ю сов. дивизию. Остатки ее отступали на г. Бирюч и в леса, что к северу от г. Валуек. Следует отметить, что, по данным разведки 3-его Корпуса особенно упорно дравшегося 1-я бригада 12-й советской дивизии имела следующий состав: ...«100-й полк бригады сформирован из Лейб-гвардии Литовского полка, 101-й из Лейб-гвардии Кексгольмского полка; комбриг 1-й бывший капитан Шибаев, его помощник быв. прапорщик Гусев; командир 101-го бывший Лейб-гвардии Литовского полка капитан Домонтович... бригада сформирована из 1-й Петроградской революционной отдельной бригады» (разведывательная, к 20 часам 23 августа 1919 г.).

Как видим, дивизии группы Селивачева в боях 13-20 августа попали в железные тиски казачьих полков: Донская группа войск Гусельщикова нажимала с юго-востока на железную дорогу Купянск-Валуйки-Лиски, а 7-я Донская пластунская бригада наступала с юга вдоль той же железной дороги; Кубанцы и Терцы громили красных в треугольнике между городами Волчанском, Новым Осколом и Купянском. В это же время остальные войска 3-го Донского корпуса сильно нажимали на красных Селивачева к северу от Евстратовки и к югу от гор. Павловска. А стальной, неуловимый 4-й Донской корпус Мамонтова, после взятия гор. Козлова наводил панику в тылах группы русских войск того же Селивачева, заняв г. Елец, а потом и узл. стнциаю Касторную.

Только недавно, 13-го августа, красное командование приказало Селивачеву занять Харьков и Евстратовку; но не выдержали русские казачьих ударов и 21 августа «красный генерал Селивачев отдал приказ № 18 об отходе красных на линию Н. Оскол-Бирючи-Павловск-Воробьевка (Егоров, выше цитиров. его работа, стр 118). Этот приказ означал признание понесенного русскими поражения.

Говоря о ситуации на фронте в момент наибольших успехов войск Селивачева, т. е. 12 августа 1919 г., мы привели выше приказ командира 3-го Конного казачьего корпуса для документального установления состава войск, предназначенных Деникиным для спасения Харькова-Воронежа и для разгрома зарвавшегося противника. Из приведнного документа мы видели, что эти войска состояли почти исключительно из казаков. Всего девятидневная их работа принудила Селивачева не только отказаться от захвата Харькова и Евстратовки, но и к фронтовому отступлению. Что 3-й Дон. корпус был казачий по своему составу, в этом нет никакого сомнения.

Для документального установления состава 3-его Конного корпуса Шкуро непосредственно после приказа Селивачева об отступлении и для характеристики положения на фронте этого Корпуса, в то время, приведем приказ по войскам Корпуса от 24 августа:

«Полковнику Галат. Копия начдиву 1-й Терской, Начдиву Кавказской, Командиру Сводно-Стрелкового полка.

Харьков Генкварм Добр. и Наштакор 1 Арм.

Белград Наштадив 1 Пехотной.

1-я Терская и 1 Кавказская дивизии вели фронтальный бой с значительными силами пехоты и конницы противника, развернувшимся на фронте Серебрянка-Николаевка - Лутовиновка - Покровский - Волоконовка (все пункты к востоку от железной дороги Н. Оскол-Валуйки). После упорного боя нашей коннице прорвать фронт противника не удалось и к ночи 24 августа конница сосредоточилась: бригада 1-й Терской дивизии в районе Ново и Старо Ивановки, 1-я Кавказская дивизия в районе Слоновская переправа. Около 12 часов нами (вновь) занят Новый Оскол.

1. Полковнику Галат (Стрелковый полк 1-й Терской дивизии, батальон Марковского полка, батальон Корниловского полка, 4 орудия, 2-я сотня волков) с получением сего выступить из района Грушевка и следовать на переправу у Н. Ивановки в район Коровино-ст. Ивановка, где расположиться, войдя в связь со Штадивом 1-й Терской, находящемуся в Н. Ивановке. Эскадрон 1-го Конного полка передать полковнику Морозову, которому ставится задача наблюдать переправы на участке Петровская-Волоконовка (через р. Оскол) и держать под действительным артиллерийским огнем железн. дорогу на этом участке и высоты левого берега.

2. Генералу Агоеву — 1-я Терская дивизия, удерживая свое расположение, вести энергичную разведку на фронте р. Оскол - Покровский до Лутовиновки включительно.

3. Генералу Шифнер Маркевичу с 1-й Кавказской дивизией сосредоточиться в районе Слоновской переправы, поддерживая тесное соприкосновение с противником, вести энергичную разведку на фронте Лутовиновка-Красное-Н. Оскол-Шараповка.

4. Полковнику Гравицкому (Сводно-стрелковый полк., 1-й Горско-Моздокский полк, 2 орудия запасной батареи, 3-я Терская батарея и Волчий дивизион), удерживая Н. Оскол, конницей продолжать преследование противника.

Слоновка. 24 августа, 22 часа 30 минут. Нр. 0905.

Подлинно подписал Генер. -Лейт. Шкуро

Верно: Генштаба полк. Соколовский.»

Как видно из этого приказа, неказачьими частями в Корпусе были: батальон Марковского полка, батальон Корниловского и эскадрон 1-го Конного полка.

Еще 4-5 дней большевицкие части оказывали сопротивление казакам между городами Н. Оскол-Бирюч и южнее последнего. Окружение прорвавшихся большевицких частей не удалось, так как по отмеченным выше причинам Донцы не смогли взять г. Бирюч и завершить окружение разбитых дивизий генерала Селивачева. С другой стороны, красные не смогли удержаться на линии Бирюч-Новый Оскол. 2-го сентября казаки заняли г. Бирюч.

1-я Терская дивизия через Веселое и Верхосенск была направлена в сторону гор. Старого Оскола, а 1-я Кавказская гнала большевиков через г. Бирюч на северо-восток к р. Потудань: вдоль линии железной дороги Валуйки-Острогожск-Лиски и правее весьма успешно действовали 7-я Пластунская Донская бригада и группа Донских частей ген. Гусельщикова. В это время с севера на тылы 8-й русской армии надвигался 4-й Донской корпус Мамонтова, возвращавшийся со своего бессмертного рейда.

5 сентября 1919 г. в селении Репьевка на р. Потудань 1-я Кавказ. дивизия вошла в связь с частями ген. Мамонтова.

Таким образом, ударная группа ген. Селивачева, прорвавшаяся было глубоко в тыл и подошедшая на расстояние 30-40 верст к самому Харькову, в упорных боях была разгромлена казаками и отброшена на 40-60 верст севернее и северо-восточнее той линии фронта, с которой эта группа начала свое смелое наступление 2-го августа 1919 г. В этих беспрерывных боях, тянувшихся со 2 августа до начала сентября между Харьковом и Воронежом, казаки ликвидировали часть завоевательных планов красной Москвы.

За это же время Деникин захватил Киев и пробовал закрепить в нем русскую власть. Зато Донская и Кавказская армии под ударами красных войск Шорина значительно отступили на юг и дошли до Царицына и среднего течения р. Дона, уступив большевикам весь Усть-Медведицкий округ и большую часть Хоперского.

Героическая борьба Кавказской (Кубанской) Армии.

(Схемы 3 и 5-6).

Немедленно после разгрома казаками на р. Маныче, в начале мая 1919 г., 10-й советской армии, 8-го мая ген. Деникин приказал ген. Эрдели, занимавшему пост Главноначальствующего Терско - Дагестанского Края, овладеть г. Астраханью Но ген. Эрдели ни в мае, ни в июне не сумел выполнить этот приказ.

Данная Деникиным 20 июня «Московская директива» подтвердила эту задачу для войск ген. Эрдели. Однако, для осуществления этого важного задания не было дано достаточных сил. Деникин воевал против Грузии, вел войну в Дагестане, посылал войска в Закаспийский Край, захватывал Украину, но, как бы идя навстречу желаниям красного командования, оставлял гор. Астрахань в руках советских войск.

Оставление северных берегов Каспийского моря, нижнего течения р. Волги и железной дороги Астрахань-Урбах-Саратов в руках советской власти, дало последней полную возможность в течение июля 1919 г. возродить 11-ю советскую армию и производить сильный нажим на тылы Кавказской (Кубанской) армии. На правом берегу р. Волги, в районе Черного Яра, красные собрали довольно сильную группу своих войск и из Черного Яра и сел. Старицкого повели энергичное наступление на Царицын.

2 августа 1919 г. красные после жаркого боя, в котором был ранен командующий казачьими войсками в этом районе, ген. Савельев, принудили казаков к отступлению. После этого красные заняли село Вязовку, приблизившись к железной дороге Царицын-Тихорецкая верст на 50-60.

Другая часть войск 11-й сов. армии, действовавшая на левом берегу р. Волги, в районе желез. дороги Астрахань-Саратов, постепенно оттеснила 3-ю Кубанскую дивизию из района этой дороги, заняла Ахтубу, Владимировку, Капустинский Яр и нажимала на г. Царев, приблизившись к гор. Царицыну с востока верст на 60-70.

Уже одно это планомерное наступление 11-й сов. армии с юго-востока и востока к г. Царицыну ставило Кавказскую армию, главные силы которой находились верстах в 250 к северу от этого города, в очень тяжелое положение, тем более, что в распоряжении этой армии не было меридиональной железной дороги, а транспортирование войск по Волге затруднялось отсутствием достаточных перевозочных средств.

О боевом составе и моральном состоянии Кавказской армии к началу генерального наступления ударной группы советских войск Шорина мы говорили уже выше в разделе «Между Камышином и Саратовом». Командующий этой армией ген. Врангель, все время занимался более внутренней «политикой», посылкой дерзких телеграмм и писем Деникину и его начальнику штаба Романовскому, занимался больше работой по выдвижению себя на место Деникина, борьбой с Кубанью и т. д., нежели заботами о вверенных ему казачьих частях.

Совершенно не умея наладить снабжение армии всем необходимым, Врангель вправо и влево метал телеграммы, стараясь свою вину свалить на чужие плечи. Охваченный манией величия, Врангель уже видел в своей особе полновластного, всеми признанного диктатора, могущего распоряжаться жизнью и имуществом населения.

Набрасываясь на Деникина, Врангель дарил и Кубанскую власть телеграммами, пересыпанными необоснованными обвинениями в нежелании заботиться о снабжении армии, в нежелании высылать пополнения

в армию и т. д. Богатая Кубань ежемсячно отпускала для питания Кавказской (Кубанской) армии большие запасы продуктов питания, но большая часть отпускаемого не доходила до фронта, задерживаясь в пути вследствие нераспорядительности или небрежности белых властей (а может быть и просто распродавалась ими).

Кубанский Атаман Филимонов и Кубанский военный министр ген. В. Науменко почти всю свою энергию, все свое уменье и время уделяли борьбе с кубанской самостийностью. Выборная военная власть Кубани более заботилась о подсаживании Деникина на высокий трон диктатора Кубани, Дона, Терека, Кавказа и Украины, более заботилась о политической подготовке Кубанцев к выходу на «широкую Московскую дорогу», нежели о Кубанской армии и об осуществлении ясно выраженных желаний населения Кубани.

Русские и кубанские-русские генералы и полковники видели в Кубанских войсках только средство к достижению генеральских целей, а не живых носителей идеи казачьего освободительного движения.

В разделе «Бои на границах России и Дона» мы подчеркнули полное нежелание Донской казачьей массы воевать за интересы какой бы то ни было России. В неменьшей, если только не в большей, степни это настроение было присуще и Кубанцам. И чем дальше от Кубани уводили Кубанские войска руководители русской политики на Казачьих Землях, тем в большей мере тем глубже в казачью среду проникало это настроение. Особенно после взятия г. Царицына и последовавшего после этого движения кубанцев вдоль Волги на север заметно было явное усиление этого, пока что молчаливого и пассивного, но твердого нежелания «идти спасать Россию».

На верху Кубанских вооруженных сил видим Деникина, Врангеля, Филимонова, Науменка и целый ряд генералов и полковников, ведших сознательную борьбу за Россию, а внизу — боевую казачью массу, действительно героически и весьма успешно дравшуюся против больших сил большевиков в 1918 г. на Кубани, в Черноморской и Ставропольской губерниях, в 1919 г. доблестно воевавшей в Терской области, в Донецком бассейне, в степях Украины, на р. Маныче, на р. Сале и на р. Волге у Царицына и у Камышина, но упорно не желавшей воевать «за Россию»; на верху была правящая группа русских и кубанских людей — защитников России, а внизу — казачья самостийницкая масса, которую русские люди хотели использовать для русских единонеделимческих целей. Зная хорошо о самостийнических настроениях этой массы, генералы глубоко ненавидели ее, а потому и не хотели заботиться о ней.

Это столкновение русских и казачьих сил на антибольшевицком фронте поставило казаков вообще и, в частности, Кубанцев в самое ужасное, глубоко трагическое положение.

В начале августа 1919 г. Врангель послал на Кубань своему единомышленнику — военному министру Кубани Науменко следующую телеграмму:

«Полки растаяли. Из предназначенных нам за июнь 131 вагоннов интендантских грузов, не прибыло ни одного. Полученный нами на Кубани, взамен леса, груз муки задержан Вашими заставами на границе. Ежели так будет продолжаться, то не только войска откажутся воевать, но и повернут в тыл против тех, кто заставляет их голодать» (Врангель. Записки, т. 1, стр. 183).

В этой телеграмме барон не пояснял, почему Кубанские полки действительно растаяли, и в то же время говорил явную неправду о том, что будто бы таможенные заставы задержали отправку хлеба для Кавказской (Кубанской) армии. Отмечаем также, не первую уже, генеральскую угрозу расправиться военной силой с Кубанью.

Непосредственно перед самым началом общего наступления 10-й советской армии против Кавказской армии, комндующий последней ген. Врангель бросил фронт и поспешил в глубокий тыл, в Екатеринодар, будто бы с целью «путем личных переговоров добиться у Кубанского Правительства срочной высылки мне подкреплений и наметить меры упорядочения снабжения» (там же). В наступившие дни тяжелых испытаний для Кавказской армии она фактически попала в руки капитана-генерала Покровского, летчика по военному образованию.

3 августа начальник штаба Кавказской армии ген. Шатилов послал в Таганрог начальнику штаба Деникина и в Новочеркасск, командующему Донской армией, следующую телеграмму:

«Таганрог. Наштаглав. Копия Новочеркасск — Командарм.

Сообщаю копию телеграммы генерала Покровского: «Доношу общее число войск группы **не** превышает 2 тысяч шашек и 2500 штыков, из коих неизвестного качества Астраханский полк. Из конных дивизий боеспособными считаю только 1-ю, 2-ю и 4-ю Кубанские. Части четвертого Корпуса после понесенных значительных потерь включительно и в материальной части нельзя признать боеспособными. Пластуны, переутомившись, **наполвину раздеты, что при наступившей холодной ненастной погоде резко отражается на их боевых качествах. Непрерывные бомбардировка и борьба изнурили и измотали войска в конец. Под влиянием сырой погоды появилась значительная заболеваемость.** Необходимы чрезвычайные меры к ускорению подхода крупных частей. Сказывается **отсутствие могучих технических средств. В данной обстановке положение** фронта считаю угрожаемым. Пановка. № 0957. Покровский».

Царицын. 3-го августа 1919 г. Подписал: ген. Шатилов.»

Кто же довел доблестных Кубанских пластунов до такого ужасного состояния?

В это время Кавказская (Кубанская) армия на северном участке фронта своего занимала лишь линию между р. Волгой и р. Медведицей (см. диаграмму 5-6). К ее левому флангу примыкал 1-й Донской корпус, занимавший фронт от района Красного Яра до Тростянки - района Марьевского - Никоноровского - Уваровского.

На 1-е августа 1919 г. в Корпусе было 4000 штыков, 4500 шашек, 13 орудий и 124 пулемета. Этот Корпус был подчинен командующему Кавказской армией еще с 8 июля.

Против Кавказской армии и 1-го Донского корпуса наступала 10-я сов. армия в составе 12 тысяч штыков и 6500 сабель.

Перейдя в энергичное наступление по всему фронту, 10-я сов. армия главный нажим производила одновременно на двух участках фронта: на стыке Кавказской армии и 1-го Донского корпуса в районе Красного Яра и вдоль Саратовского тракта на Камышин. Уже 1-го августа 10-я Донская конная бригада под сильным давлением противника отошла на правый берег р. Медведицы к частям своего Корпуса.

Того же 1-го августа части 10-й сов. армии заняли Красный Яр, разделив таким образом Кавказскую армию и 1-й Дон. корпус. В этот прорыв хлынула большевицкая кавалерия и пехота, направляя один удар вниз по течению р. Медведицы, а другой — в обход левого фланга Кавказской армии, вдоль желез. дороги от Красного Яра на станц. Неткачево (схема 5-6).

Этот успех большевиков в самом начале боев поставил Кавказскую армию в весьма тяжелое положение. В то же время, хорошо зная, что Кубанские пластуны измотаны предыдущими тяжелыми боями, что они полураздеты и что среди них появилась значительная заболеваемость. (см. выше донесение Покровского от 3 августа), красное командование, после предварительной весьма сильной артиллерийской подготовки, ударило по частям 3-ей Пластунской бригады, расположенным тонкой ниткой на десятиверстном фронте от с. Макарово до Французской возле Саратовского тракта.

Вследствие беспрерывной бомбардировки и настойчивых повторных атак красных и слабости сил пластунов, советские войска прорвали фронт 3-ей Кубанской пластунской бригады и принудили ее к по-

спешному отступлению. При этом красные потеснили левый фланг 4-го конного корпуса, занимавшего фронт между Саратовским трактом и р. Волгой

Широкий прорыв в центре Кавказской армии и глубокий обход ее левого фланга со стороны Красного Яра и все усиливающийся натиск превосходных сил противника принудил эту армию к общему отходу — сначала на линию Меловое - Ельшанка - Грязнуха-Добринский, а 6-го августа — на линию Н. Добринка у р. Волги - Нов. Норки - Купцово (схема 5-6).

Но и на этом фронте Кавказская армия не смогла удержаться. Красные безостановочно продвигались все дальше на юг, все время своей конницей охватывая левый фланг Кавказской армии и нанося сильные удары в центре. Обстоятельства на фронте сложились так, что Кавказская армия вынуждена была без боя отдать Камышин и к 9 августа отошла еще далее — на линию р. Сестренка - Белая Горка - Таловка - Саломатино...

Создалось грозное положение на всем Южном антибольшевицком фронте. В это время ударная группа ген. Селивачева прорвала левый фланг Донской армии и захватила города Бирюч, Валуйки, Нов. Оскол и Корочу и приближалась к Купянску, Волчанску и Белграду (см. выше: «Ликвидация прорыва ударной группы ген. Селивачева»). За первые 9 дней натиска 10-й красной армии Кавказская армия отскочила на юг между Волгой и Медведицей более чем на сто верст. 11-я армия сильно нажимала на Царицын с востока и юго-востока...

Находясь в беспрерывном отступлении, Кавказская армия производила перегруппировку своих частей — пехота сосредоточивалась к правому флангу, а конница — к левому. Командующий армией ген. Врангель такими словами характеризует ее состояние в описываемое время:

...«Армия, ведя арьергардные бои **и неся тяжелые потери,** продолжала отступать. Численный состав конных полков дошел до 100-150 шашек. Стрелковые полки конных дивизий почти полностью были выведены из строя. Астраханский полк 6-й дивизии был уничтожен вовсе. В двух гренадерских полках оставалось вместе 450 штыков, 3-я Пластунская бригада была сведена в батальон. В артиллерии вследствие значительных потерь в материальной части, убыли и изнурения лошадей батареи сведены были в двух и даже одно орудийные». (Записки, т. 1, 187).

10 августа командующий Кавказской армией просил 1-й Донской корпус, задерживавшийся значительно впереди Кавказской армии на правом берегу р. Медведицы, ударить в тыл 10-й сов. армии, но командир 1-го корпуса отказался это сделать в виду того, что своими сравнительно малыми силами корпус занимал фронт в двести верст.

Создалась непосредственная угроза гор. Царицыну. Ген. Врангель приказал начать эвакуацию этого города. Было также приказано 3-ей Кубанской конной дивизии оставить левый берег р. Волги, перебраться на правый и сосредоточиться в Царицыне.

Только теперь Деникин отпустил с Украины 2-ю Куб. пластунскую бригаду. Около 15 августа она сосредоточилась так же к г. Царицыну. Но спор из-за 1-го Донского корпуса все еще продолжался — командующий Донской армией весьма настойчиво просил Деникина возвратить этот Корпус в Донскую армию, находившуюся в весьма тяжелом положении в виду энергичного наступления ударных групп противника на обоих ее флангах, а Деникин продолжал оставлять этот корпус в подчинении командующему Кавказской армией.

Как главное советское командование в лице ген. штаба полк. Каменева, так и командующий Южным красным фронтом Егорьев весьма категорически требовали от командующего 9-й и 10-й советскими армиями безостановочного и быстрого продвижения вперед, и, в частности, скорейшего захвата г. Царицына (Какурин. Как сражалась революция, т. 2-й, стр. 293-294).

К 23 августа Кавказская армия приготовилась к бою за Царицын следующим образом: на правом фланге, начиная от берега р. Волги до ст. Гумарак, в общем верстах в 10-12 к северу от Царицына, расположились Саратовский пехот. полк, 2-я Куб. пласт. бригада, остатки 3-ей Куб. пласт. бригады, 4-я Куб. конная дивизия и Сводно-Горская конная дивизия; у станции Котлубань, верстах в 25-30 на северо-запад от Царицына, расположилась конная группа генер. Улагая в составе 1-й Конной, 2-й и 3-ей Кубанских казачьих конных дивизий и Ингушской конной бригады.

23 августа наиболее сильная 28 советская дивизия 10-й красной армии весьма энергично ударила против правой группы Кавказ. армии, а 37, 38 и 39 сов. дивизии повели наступление против конной группы, сосредоточенной у Котлубани. На стороне большевиков работала сильная сухопутная и речная артиллерия. Бой носил весьма упорный характер. «Атакованный по всему фронту Саратовский пехотный полк, пополненный пленными, не выдержал и при приближении красных цепей к проволоке, прекратил огонь и начал сдаваться; благодаря измене Саратовского пехотного полка, весь атакованный участок укрепленной позиции перешел в руки красных», повествует Врангель (т. 1, стр. 197). Лихой атакой 4-й Кубанской и Горской дивизией положение было быстро восстановлено.

Несмотря на невероятные усилия 10-й сов. армии, несмотря на беспрерывные атаки пехоты красных, как против Царицына, так и против Котлубани, Кавказская армия отстояла Царицын.

В тот же день 11-я сов. армия энергично наступала на Царицын по правому берегу р. Волги, с юго-востока, но и здесь большевики были разбиты.

24 августа большевики снова перешли в наступление на Царицын, но не имели успеха.

25 и 26 августа советское командование вновь и вновь требовало от 10-й армии какой угодно ценой взять Царицын. 27 августа Кавказская армия снова нанесла весьма серьезные удары по расстроенной и павшей духом 10-й армии и отбросила ее верст на 40 к северу от Царицына.

«В боях 23-27 августа 10-я и 11-я красные армии были жестоко разгромлены, оставив в наших руках около 18 тысяч пленных, 31 орудие и 160 пулеметов», говорит Врангель (см. описание боев в «Записках» Врангеля, т. 1, стр. 194-202).

Можно отметить здесь весьма показательный факт: приближение красных к Царицыну означало нависание новой угрозы над Кубанью. Поэтому «поплонения с Кубани стали подходить; укрывавшиеся в станицах казаки массами возвращались на фронт, полки быстро пополнялись... Захваченной у противника артиллерией укомплектовывались наши батареи, число орудий в большинстве батарей стало нормальным. Огромные, попавшие в наши руки неприятельские обозы, давали возможность сформировать войсковые и армейские транспорты», утверждает Врангель в своих «Записках» (стр. 202).

Потерпев поражение к северу от Царицына, большевики усилили напор на Царицын с юго-востока. «Между тем на Черноярском направлении упорные бои не прекращались. Подтянув к Черному Яру части, взятые из состава 4-й и 11-й красных армий, противник перешел в наступление против частей ген. Савельева (Астраханская конная дивизия, вновь сформированные стрелковые полки 2-й Кубанской и Горской дивизий), стремясь выйти к Сарепте на сообщения Кавказской армии. Я решил после победы 27-го августа перебросить на Черноярское направление 3-ю Кубанскую дивизию, об'единив командование всеми войсками на этом направлении в руках начальника последней ген. Бабиева. Ему ставилось задачей разбить противника и в дальнейшем овладеть Черным Яром... Рядом успешных боев ген. Бабиев отбросил противника в укрепленный Черноярский лагерь. Часть конницы, обойдя Черный Яр с юга, вышла к Волге на участке Грачевская-Соленое Займище. С 1-го по 10-е сентября части ген. Бабиева захватили около 3000 пленных, 9 орудий и 15 пулеметов» (Врангель, 1. 203).

После понесенного 23-27 августа поражения под Царицыном 10-я сов. армия быстро пополнялась и приводила в порядок свои потрепанные ряды. 7-го сен-

тября 10-я армия вновь перешла в наступление на Царицын, но в боях 8-11 сентября снова понесла поражение и отступила к Дубовке. На этом фронте наступило сравнительное затишье.

Командующий Кавказской армией решил покончить с Черноярской группой большевицких войск. К ген. Бабиеву была направлена вновь укомплектованная Кубанцами 3-я пластунская бригада. Однако, войска Бабиева и после упорных атак не смогли взять Черноярской укрепленной позиции. 3-я Куб. пластунская бригада «понесла громадные потери и к дальнейшим активным действиям оказалась уже **неспособной**». Такою дорогою ценою платили Кубанцы за «политику» русского командования, спешившего захватить столицу Украины, но оставлявшего Астрахань в руках советской власти.

Истекая кровью, неся огромные потери, Кавказская (Кубанская) армия удержала в своих руках Царицын и его район. Но как далеко было еще к «Матушке Москве»! И в каком ужасном положении было Казачество, свою судьбу связавшее с русским белым движением...

(Продолжение следует)

От ВК Круга в Югославии

Г.г. Безуглову, Еременко, Балыкову — именующим себя «членами Вр. Центр. Пр-ления», «членами Малого Круга» и всем, именующимся «оппозиционерами».

Несмотря на постановление экстренного совещания уполномоченных делегатов от ВК организаций и Окр. Правления ВК в Югославии от 11 февраля 1934 года (см. журнал «ВК» № 147 от 20-2-34), вами продолжается бешеная травля редактора журнала «В. К.» И. А. Билого, заключающаяся в рассылке по ВК организациям всех стран разных листовок, газет, бюллетеней и журналов, заполненных главным образом грязью в его адрес и попытками разрушения ВК округа в Югославии. Все эти печатные органы созданы вами специально для борьбы с редактором журнала «ВК», лично вам не нравящимся, и в. казаками, не идущими, несмотря на все ваши «соблазны» к вам — в лагерь грязи, клеветы и злобы.

В течении полутора лет вами отброшена положительная работа (если она и есть, то как мизерна она в сравнении с виртуозностью в борьбе с И. А. Билым), борьба с врагами ВК и пропоганда ВК идеи среди казаков. Все ваши усилия направлены **исключительно** на борьбу внутренюю среди вольных казаков.

В течении полутора лет вольные казаки в Югославии, вынеся вышеупомянутое постановление, жили надеждой, что любовь к нашей Родине, к Казачеству и ВК идее заставит опомниться некоторых зарвавшихся, заставит отбросить все расхождения и, во имя торжества конечной высокой цели, слиться в одно монтолитое целое Но... все глубже и глубже вырывается яма между в. к., при чем всю вину вы, г.г. возглавители оппозиции, бросаете в адрес И. А. Билого, не замечая собственной (или не хотите заметить). Для этой борьбы вы пользуетесь всеми способами и всеми приемами.

Присмотримся к способам борьбы двух в. к. групп... С вашей стороны — ложь, наглость, хамство, навязывание своих «идей», «пожеланий», «предложений», похабщина и т. д., т. е. грязь, грязь и грязь, хлещущая через край. С другой — молчание и работа, работа и молчание. **Истинная храбрость скромна... Истинная честность — без рекламы....**

Особенно стали заметны ваши способы борьбы в последние месяцы, в связи с созывом БК ВК. Полетели обращения, бюллетени, газеты... Повелась атака на округа, с целью не допустить участия в. казаков на Круге, и... некоторые, недавно созданные ВК Округа, неокрепшие еще, поколебались...

Вами разрушается то, что не вами создалось. В своем обращении к Окружным Атаманам ВК округов Франции и Югославии вы называете узурпацией название и созыв БК ВК из двух ВК округов (Франции и Югославии), и козыряете своими четырьмя.*)

Считаем нужным вам заметить, что все четыре именуемые вами округа (часть этих округов, если не половина каждого, из'являют желание принять участие в БК) далеко не достигают и половины одного Югославянского и пожалуй одна наша Смедеровская станица уравновесит численное соотношение со всей оппозицией. Если укажем еще и на то, что в югославянском и французском округах около 40 действительных и активных в. к. организаций, не считая еще неорганизованной части в. к-ов, то станет вполне понятно, **где большинство, а где меньшинство.**

С чьей же стороны узурпация?!..

Ставя этот вопрос, предлагаем ваше мнение отнести в ваш собственный адрес.

Необходимо заметить, что в недавнем прошлом вы усиленно добивались участия на БК, но видя, что могут обойтись и без ваших титулованных особ («членов Вр. Ц. Пр.», — «Малого.Круга», докторов, инженеров и пр.); предлагаете созываемый Круг таковым не считать. По какому праву?! Потому, что это не по вашему? Потому что вы там не участвуете? Забываете одно, г.г. оппозиционеры, что Большой Круг будет созван **по желанию вольных казаков!**

Забыли ли вы предложение Балинова: созвать по одному из каждой страны, а остальные члены только из Франции; вы хотели получить карты в руки и... бей? Это бы была не **узурпация?!...**

Вы кричали раньше, что «Билый Круга не хочет, боится, не созовет»... Лгали вольным казакм, лили грязь на человека, а теперь, предлагаете в нем не участвовать... потому что вас туда не приглашают? Так в этом вина исключительно ваша. Если бы были и вы там (предположим вас 5 или 10 человек) — это был бы Большой Круг? Сказать откровенно: в. к. из Югославии имеют большое желание поговорить с вами лицом к лицу, но... устраивать из святыни базар и ярмарку, принимая во внимание ваши способы борьбы, мы не намерены, как и не намерены вас видет на Круге... Взгляд по сему вопросу И. А. Билого — вполне разделяем и оправдываем.

Вы упираетесь на общественно - демократические принципы, забывая, что основой их является подчинение меньшинства большинству.

У вас все наоборот. В течении полутора лет вы, меньшинство, не считаясь с мнением большинства вольных казаков, самозванно образовав «центры» (не узурпация?), продолжаете вести разрушительную работу среди Вольного Казачества.

Вы, вообразив из себя умных политических деятелей, всех несогласных с вами в. к-ов считаете «медноголобыми», называете «Биловцами», и ничего не понимающей серой скотинкой.

Кто же вы? — Балыковцы? Балиновцы? Безугловцы? Жуковцы? — **Постыдитесь** такого отношения к рядовому Казачеству, если у вас есть еще совесть. В вашей разрушительной работе красной нитью проходит: или мы — наше желание, наше мнение, или — пропадай все В. Казачество...

Вы забываете, что кроме вас, есть сотни в. казаков, вложивших, пожалуй, больше труда (не писание на страницах листовок!) в дело организации и укрепления ВК. Они также имеют свои желания и взгляды и вам, козыряющим демократичностью, следовало-бы прислушиваться к ним. В вашей общественности, политической демократичности и желании об'единить все ВК — разрешите, на основании ваших писем и «трудов», сомневаться.

*) **От ред.:** относительно четырех округов см. предыдущий номер, стр. 19.

Вы забываете и то, что демократичность (полная) возможна только в известных условиях мирной жизни на своей земле и что борьба, в особенности политическая, в наших условиях, требует единства руководства, единства возглавления, а не многовластия, анархии и обливания гряьзю своих же соратников. Умышленно бьете на казачью демократичность, скрывая то, что самые демократические государства в тяжелые дни своей борьбы об'единялись под руководством и возглавлением одного лица (Франция, Чехия, Польша, Югославия и др.).

Как на «причину» раскола вы указывали в начале на личное расхождение с И. А. Билым; позже «причина» была видоизменена и вы принялись доказывать, что расхождение произошло на почве разного понимания тактическо-организационного вопроса и, наконец, в последнее время, совершенно не смущаясь, начали убеждать, что разошлись не почему-либо, а именно в вопросе идеологическом.

Да отдаете-ли вы себе отчет в том, что вы зарапортовались настолько уже, что лучше не придумаешь? Или вы считаете всех нас действительно серой скотинкой и решили с нами и с нашими великими задачами бесжалостно покончить? Ведь вы же собрались там чуть ли не все титулованные (по крайней мере титулуете себя сами усердно), — так где же та польза, которую вы все еще только обещаете принести на службу Казачеству?!... Задумайтесь над своим поведением и знайте, что масса, которая не с вами, тоже не лыком шита.

Неужели вы действительно решили не считаться ни с чем и ни с кем, что так упорно добиваетесь **власти** и **средств?...** А в этом вы нас уже не разубедите. Документы — ваши письма и «труды» — у нас!...

Попутно заявляем вам, что в вопросе всей «оппозиции» Югославянский округ всегда особо выделял и выделяет т. наз. **калмыцкий** вопрос.

На первом С'езде ВК калымки (ХТТ) были приняты в движение на равных со всеми казаками правах. В № 6 «Ковльных Волн» руководители калмыцкой партии (ХТТ) об'явили свою декларацию, откровенно подчеркнув в ней, что они с ВК готовы делить лишь победу, но ни в коем случае не поражение, и что, в случае поражения, они поищут себе иных союзников. Так как Казачеству не нужны союзники, которые с ними лишь «впредь до», Югославянский округ, становясь на защиту прежде всего обще казачьих интересов, заявляет:

1. до тех пор, пока калмыки не возьмут своей декларации назад договор, заключенный на первом с'езде, считать нарушенным ими же и поэтому не иметь с ХТТ никаких сношений;

2. вопрос о примирении двух враждующих казачьих групп решить казакам с казаками, игнорируя совершенно калмыков (ХТТ), ибо они сами отделяют свою судьбу от казачьей. (По обоюдному желанию договор с калмыками может быть возобновлен).

Югославянский округ в течении полутора лет, наблюдая за поведением оппозиции в отношении И. А. Билого, взвесив и проверив все их обвинения, следя за их работой и способами борьбы с неразделяющими их взглядов и беря во внимание переписку с Окр. Правлением отдельных лиц из оппозиции, считает необходимым указать:

1) «оппозиция» представляет незначительное меньшинство, в котором главную роль играют калмыки, натравливая одних казаков на других путем гнустных приемов — ложью и наглостью;

2) «оппозиция» стремится разрушить ВК, не видя возможности захватить в свои руки власть и средства;

3) забыв о своей чести молодецкой и человеческом достоинстве, г.г. «оппозиционеры» слишком много позволяют себе в способах ведения борьбы;

4) ни одно из обвинений г.г. «оппозиционеров», возведенных ими на И. А. Билого, до сих пор, т. е. в течении полутора лет, ни ими, ни кем либо иным **не доказано.**

В.К Круг в Кор. Югославии рассматривая последнее обращение г.г. Безуглова, Еременко и Балыкова к атаманам Французского и Югославянского округов, постановил:

1. в отношении так наз. оппозиции, считать в силе постановление экстренного совещания округа от 11-2-34 г.;

2. предложить г. Безуглову и иже с ним оставить наш округ в покое и не тратить ни сил, ни средств на совершенно напрасный труд;

3. руководителям оппозиции заявить:

до тех пор, пока вы не прекратите травли И. А. Билого, пока вы не согласитесь, по казачьему обычаю, считаться с большинством в. казаков, пока не выбросите из своего обихода «или долой Билого, или пропадай все», и вообще пока не ликвидируете «оппозиционных» настроений, до тех пор ВК округ в Югославии не изменит своего отношения к вам и будет считать вас сознательными врагами ВК движения, и, как с таковыми, поищет более решительных мер борьбы.

Вольно-Казачий Круг в Югославии обращается ко всем вольным казакам, почему либо поверившим г.г. «оппозиционерам»:

Братья, вольные казаки!

Поймите, что все оппозиции до сих пор создавались потому, что И. А. Билый не шел на поводу отдельных лиц из состава теперешней оппозиции. И. А. Билый, как один из инициаторов ВК движения, не мог в угоду безответственным лицам поступать по их желаниям, ибо за целость движения, пока не решим мы иначе, прежде всего ответственен он. Сам возглавляющий сейчас «оппозицию», г. Безуглов, за пол года до ее образования, писал:

«Вольное Казачество до сих пор держится только благодаря упрямому хохлацкому характеру Билого. В Праге, не считая двух-трех человек, не найдешь порядочного человека. **Все тянут руки к деньгам».** (Оригинальные письма г. г. «оппозиционеров» хранятся в Окр Правлении и будут своевременно опубликованы).

Мы зовем вас идти с нами в ВК рядах к осуществлению основной нашей программной задачи: освобождению Казачества и созданию Казакии.

Нам не меньше, чем вам, дорого Казачество, дорога Родина. В одинаковой степени дорого Казачество и И. А. Билому, который 7 с лишним лет ведет Казачий Корабль к своей родной Пристани, не обращая внимания на всякие «оппозиции» и выходки отдельных неуравновешенных лиц. И не им, ложью вооружившимся, судить, рядить и разваливать не ими созданное.

Вольные казаки!... Кто в состоянии во имя нашего святого дела убить в себе личную неприязнь, кто в состоянии убить личное самолюбие во имя светлого будущего всего Казачьего Народа — иди с нами на борьбу против нашего единственного врага — оккупантов нашей Родины!...

Протягиваем вам руку брата-казака и если эта рука не примется, вина в том будет не наша.

Имея в дальнейшей жизни единственную цель — служение **Казачеству,** станем в единый национальный фронт освободительного движения и будем и дальше идти намеченным раз навсегда путем.

Да здравствует Вольное Казачество!

Слава Казачеству!

Обращение это принято ВК Кругом в Югославии (заседавшем 28-29 апреля с. г.) большинством 74 голосов против 2, которые, не возражая против самого обращения, высказывались лишь за более мягкую редакцию некоторых мест его, но потом, подчиняясь старой **казачьей традиции — воле большинства,** — с данным постановлением полностью солидаризировались.

Окружной атаман **П. Поляков**

Печатая настоящее постановление ВК Круга в Югославии, с своей стороны, считаю нужным заявить следующее:

Интересы Казачества теперь и в ближайшее будущее время, настоящее слишком тяжелое положение Казачьих Земель там и грядущая борьба за освобождение настойчиво требуют от нас, чтобы мы как можно меньше своих сил тратили на внутренюю борьбу между собою и как можно больше дали их на борьбу против тех, кто полонил нашу Казачью Родину.

С этой точки зрения было бы лучше, если бы никаких внутреиних оппозиций у нас не было. Лично я не прочь от того, чтобы и с своей стороны сделать все возможное для ликвидации нынешней оппозиции. Но, если протягивать руку и предлагать мир, надо делать это так, чтобы из этого был плюс для нашего движения, а не минус. Для меня приемлемо всякое решение, которое принесет ВК пользу.

Первым условием на пути к примирению, как правильно ставит вопрос и Югославский ВК округ, является безоговорочное подчинение оппозиции ВК большинству. Нельзя, чтобы незначительное оппозиционное меньшинство диктовало свою волю большинству.

Пока г.г. оппозиционеры не примут этого условия без всяких оговорок, разговаривать нам с ними не о чем.

Не можем предоставить никому никаких привиллегий и преимуществ ни сейчас, ни в будущем. Касается это и отдельных лиц, и целых групп, если бы они были.

Нельзя, очевидно разговаривать сейчас с теми «оппозиционерами», которые до своего вступления в ряды оппозиции, не были вольными казаками вообще, не состояли в в.к. организациях.

Следует выделить в особый вопрос (кроме уже выделенного Югославским округом калмыцкого вопроса) и вопрос о тех, кто принял чужое подданство. Очень похвально и для казачьего дела полезно, что казаки, принимая чужое подданство, не хотят рвать и со своими соотечественниками. Сотрудничество их может быть иногда нам весьма желанным и полезным и от него нам отказываться не следует. Но следует иметь в виду (и мы этой поправки не можем не вносить), что воля их не всегда и не во всем теперь свободна. Не исключены случаи серьезных коллизий между долгом их по отношению к их новому отечеству и чувствами их по отношению к Казачеству. Командовать нами они могут, но сами они не всегда могут исполнять даже свою собственную команду. Тем более они не всегда могут исполнить распоряжение наше. Нельзя же, чтобы они имели привиллегии на распоряжение судьбами ВК движения и не были связаны по отношению к нему никакими обязанностями.

Короче говоря: помогать они нам могут; за эту помощь мы будем им весьма балгодарны; но распоряжаться движением они не могут: наши дороги в будущем могут, ведь, и разойтись помимо нашей и их воли.

Не знаю, думают ли они об этом, или нет, но мы об этом не думать не можем.

Было бы хорошо, если бы они это и сами поняли и претендовали не на большее, чем в их условиях претендовать могут.

Чтобы не было в будущем никаких недоразумений, заявляю наперед, что я исключаю для себя(но не по мотивам личного характера) всякое сотрудничество сейчас и в будущем со следующими лицами:

Г. Глазковым, Г. Л. Еременком, А. Т. Жуковым, И. И. Колесовым и С. А. Федоровым.

И. Билый

Казачья эмиграция

В. К. В ЧЕХОСЛАВАКИИ

ДОКЛАД П. Л. МАКАРЕНКА В ПРАГЕ

22 апреля 1935 г. в Праге (отель «Беранек») состоялся публичный доклад П. Л. Макаренка на тему: «Где выход?»

Докладчик коснулся следующих вопросов:

1917 г. Строительство Казачьих Республик и Украинского государства. С'езд Народов в Киеве. Юго-Восточный Союз и Украина.

1918 г. Майское соглашение между Доном и Кубанью. Доно-Кавказский Союз. Разрешение вопроса о Таганрогском округе. Доно-Украинские и Кубано-Украинские соглашения и договоры. Донская самостоятельность и Указ Круга 20 сент. 1918 г. Кубанская самостоятельность и предисловие к конституции. Причины, повлекшие об'единение командования казачьими вооруженными силами в руках русского ген. Деникина и последствия этого об'единения.

1919 г. — события на Казачьих Землях и на Украине. Ноябрьский переворот на Кубани и участие в нем со стороны Деникина куб. ген. В. Науменка. Состав суда, приговорившего к повешению А. И. Кулабухова.

1920 г. Сочинская трагедия. Договор Атаманов Дона, Терека и Кубани с Врангелем в августе 1920 г. Выход на эмиграцию.

На эмиграции: «Об'единенный Совет Дона, Кубани и Терека» и казачья эмиграция. Издание самостийнической казачьей газеты: «Голос Казачества». Пражская Куб. конференция. Казачьи организации и казачья пресса. Самостийнические казачьи журналы. «Вольное Казачество — Вільне Козацтво». Вольно-казачье движение и отношение к нему казачьих Войсковых атаманов и старой казачьей интеллигенции.

Пять возможных решений государственного строительства Казачьих Земель: 1) оставление их в составе централистической России; 2) оставление их на автономных или федеративных началах в той же России, 3) организация отдельных и совершенно независимых Казачьих республик и их вхождение в Черноморскую Антанту, 4) включение части Дона и всей Кубани в состав Украины и 5) образование федративного государства — **Казакии.**

«Вопрос о Казачьих Землях», говорит в заключение П. Л. Макаренко, «был и остается очень серьезным и актуальным, особенно в наше время. Народы Кавказа — Горцы, Грузины и Азербейджанцы, как известно, договорились между собою в том, что эти народы организуют Кавказскую Конфедерацию. Нет ни у кого из защитников свободы народов сомнения в том, что теперешняя Советская Украина должна реорганизоваться в действительно самостоятельную Украину. И вот, между Кавказской Конфедерацией и территориею советской Украины остаются земли, о судьбе которых у их нерусских соседей, кажется, еще нет ясно формулированного решения.

Из отмеченных нами пяти возможных способов решения вопроса о судьбе Казачьих Земель, два первые, оставляющие эти земли в составе России, отпадают просто потому, что они построены на желании оставить Россию в будущем в положении господина над завоеванными ею народами.

Третье решение — построение всецело самостоятельных отдельных Казачьих Республик — было уже испробовано и показало, что разделение Юго-Восточного Края на совершенно отдельные Донскую, Кубанскую, Терскую и т. д. республики тормозит экономическую жизнь Края и ослабляет и **разбивает силы при организации его обороны.** Потому то, рядом с построением Донской, Кубанской и т. д. республик, еще в 1917 г. создавался Юго-Восточный Союз, который должен был обеспечить нормальное развитие богатого Края и должен был организовать оборону его общими силами от нападения внешних сил; потому то в мае

1918 г. появился Доно-Кубанский договор об общем ведении внешней войны и устройства внутреннего спокойствия; потому то в июне того же 1918 г. появился проект организации Доно-Кавказского Союза; потому то Кубанская Рада 11 ноября 1918 г. приняла постановление о желательности организации об'единения государств Юга; потому то Донской Круг 1 июня 1919 г. вынес **единогласное** решение о желательности **немедленной** организации Союза Дона, Кубани и Терека и потому то в том же июне 1919 г. была созвана в Ростове Конференция для практического разрешения этого важного вопроса; потому то в начале 1920 г. собрался в Екатеринодаре Верховный Круг Дона, Кубани и Терека с целью решния все того же вопроса об организации об'единенного **государства** на Казачьих Землях; потому то даже в эмиграции сотворили «Об'единенный Совет Дона, Кубани и Терека» и, хотя этот Совет и «Комитет Экономического возрождения Юго Востока России» и имели в виду работу для возрождения России, но все же и в этом случае Казачьи Земли выступали, как единое целое; потому то за границей творятся разного рода **обще-казачьи** организации, чтобы общими силами удовлетворять хозяйственные и культурные нужды казачьей эмиграции, главная масса которой вышла с Дона, Кубани и Терека...

Если обратимся к большевицкой практике, то и там увидим, что в 1924 г. советская власть организовала «Северо-Кавказский Край», в состав которого входили большая половина Дона, начиная от границ с Воронежской губ., вся Кубань, Черноморская и Ставропольская губ. и весь Терский край, даже с автономными республиками Горцев Кавказа (прикаспийская часть Терск. края отнесена к составу Дагестанской Сов. Республики). И хотя теперь Северо-Кавказский Край снова разделен на два Края — Азово-Черноморский и Северо-Кавказский, но в состав Азово-Черноморского края входит все та же большая часть Дона, вся Кубань, за исключением Карачая, и Черноморская губ.

Все эти факты из жизни Казачьих Земель и из жизни казачьей эмиграции говорят о необходимости и возможности того или иного **об'единения** в одну политическую, экономическую и административную единицу Казачьих Земель, и, в то же время, все эти факты говорят **против** раздробления Казачества на небольшие самостоятельные государства.

Что касается присоединения части Казачьих Земель к Украине, то и это решние не является жизненным. Рассматривая события 1917-1919 годов, мы отметили целый ряд фактов, говорящих о том, что Украина не собиралась насильно присоединить к себ какую-нибудь часть Казачьих территорий. Наоборот, в 1918 г. Украина признала суверенность Дона и Кубани и подписала с ними целый ряд договоров по разным вопросам; в эмиграции украинцы приветствовали кубанскую самостийницкую Конференцию в 1921 г. и вообще относятся с доброжелательностью ко всяким проявлениям среди казаков самостийных стремлений; в печати украинской эмиграции разных партий и солидных политических групп мы не находим проповеди необходимости насильственного присоединения к Украине земель Дона и Кубани.

Творческие силы Украинской нации будут иметь столько работы над тем, как построить Украинское государство и без Казачьих Земель, как разрешить вопрос об украинской части Донбасса, где теперь сосредоточено несколько сот тысяч русских рабочих, которые, вне сомнения, будут облегчать стремления Москвы захватить этот богатый район; Украина вообще будет иметь много работы над установлением и охраной своих собственных границ. Так что, мы уверены, действительно **государственные мужи** Великой Украины очень задумаются над тем, что лучше для Украины — насильно захватывать часть Казачьего Края и вызывать вооруженную борьбу на Дону, а, значит, бросать Дон в об,ятия «Матушки Москвы»; или же, может быть, лучше будет для Украины иметь на востоке доброго **союзника,** которого сама жизнь уже указывала ей в период тяжелой борьбы 1917-20 г. Так как мы не считаем себя вправе устанавливать политику Украины на **востоке,** значит, в первую очередь, в отношении Казачьих Земель, мы ограничимся пока этими самыми общими замечаниями.

Если отпадает политика удержания Казачества в составе России, если не подходит политика присоединения Казачьих Земель к Украине, если не следует поддерживать политику раздробления Казачества, остается последнее — **построение Федеративного Государства, в состав коего должны войти Дон, Кубань, Черноморская губ. Ставропольская губ., казачья часть Терского Края, Калмыцкая Авт. Республика, Астраханский Край, нижняя Волга с городами Царицыном и Камышином** и т. д.

С точки зрения **Казачьих** интересов и освободительных казачьих стремлений создание **федеративной или автономной внутри державы — Казакии** является наиболее удачным решнием этого важного вопроса.

На основании личног опыта и многолетнего документального изучения событий 1917-1919 годов, мы давно уже пришли к твердому и непоколебимому выводу, что если бы **казачьи** только силы в 1917-1920 гг. выступили об'единенно, выстипили под единым политическим и военым **казачьим** руководством, не пришлось бы Казачьим Землям мучиться под русской большевицкой властью, не пришлось бы казакам уходить в эмиграцию. Казаки в те страшные годы дали на борьбу такие огромные военные силы, что их абсолютно было бы достаточно для того, чтобы разбить на северных границах Дона все большевицкие армии, какие шли на завоевание Казачьих Земель.

Казаки в **Казакии** найдут полную и широкую возможность для блестящего развития своих духовных и физических сил и для широкого хозяйственного развития.

Другую большую группу населения Казачьих Земель составляет украинское население, которое в 1926 г. составляло почти 30 процентов всего населения Казачьего Края. Встает вопрос: как должно отнестись это население к созданию нового государства — Казакии. По нашему мнению и это население, **при установлении полного политического, хозяйственного и национального равноправия в Казакии** получит самую широкую возможность для своего культурного, хозяйственного и национального развития. Это население, наравне с казаками, будет иметь в Казакии свою действительную Родину.

Если Казакия займет свое место в системе государств, которые могут и должны организоваться на землях нынешнего СССР, тогда от этого выиграют и Украина, и Кавказская Конфедерация, и Вольный Туркестан, и Вольная Сибирь, **и сама Казакия»...**

В прениях по докладу приняли участие В. Т. Васильев, полк. Добрынин, г. Кохановсков, д-р В. Курганский, войск. старш. Н. Твердый и сам докладчик (в заключительном слове). **(Соб. кор.)**

В. К. ВО ФРАНЦИИ

ПО ВК ОКРУГУ

1) Стоя на страже интересов Казачества, именем окружного правления обращаю внимание всех В. К. на тот факт, что Донской Архив тайным образом передан чужим людям — без согласия и ведома Донских казаков. Без лишних слов все В. К. понимают, что произошло, а потому приглашая казачьих патриотов памятовать о том, что «казачье достояние принадлежит Казачеству», призываю всех В. К. встать стойким образом на защиту казачьих прав и добиться возвращения Донского Архива в казачьи руки.

2) Зачисляю в списки округа В. К. — казаков В. В. Д. — М. Манжикова — с 15-4 с. г., Н. Мельникова — с 1-5 с. г., Н. Строганова — с 1-5 с. г.

3) Истинные друзья познаются в несчастьи!... Перенесши семь хирургических операций на протяжении 15 дней, хор. И. А. Болдырев — атаман куреня В. К. «Донская Сарынь» начинает оправляться, с большим трудом пользуясь костылями при передвижении. Не закрывая глаз на тяжелое материальное положение семьи И. А. Болдырева, предлагаю всем атаманам вольно - казачьих организаций, а равно и отдельным в. казакам — придти немедленно на помощь, организовав на местах посильный сбор в пользу семьи стойкого борца за святое дело освобождения Казачества. Сбор пожертвований произвести на местах в период с 15 по 20 мая с. г., отослав собранные деньги по адресу: **Marie Boldyreff, chez boulanger, Andabre, par St-Gervais s/Marne (Hérault).**

Окружной Атаман **А. Ленивов**
Окружной писарь есаул **И. Кувиков**

5-5-1935 г.

ПРИГОВОР № 11.

1935 года 27 апреля, гор. Тулуза. Мы нижеподписавшиеся члены Тулузской в. к. имени А. И. Кулабухова станицы на своем станичном сборе в числе 11 человек под председательством вр. и. д. атамана вахм. Григория Шерстюка, в присутствии станичного писаря есаула Курило: заслушав предложение станичника И. Хрипушина, решили протестовать против тех лиц, кто продал или передал в Русские руки (в Русский историч. архив) Донской Казачьий архив (см. журн. В. К.» № 172). Обсуждая всесторонне этот поступок лиц, посягнувших на казачье историческое добро, на казачью собственность, мы заявляем свой громкий казачий протест против разбазаривания казачьей собственности и категорически требуем немедленного возвращения Донского казачьего архива в казачьи руки.

Тулузская станица обращается ко всем В. К. организациям и всему зарубежному казачеству — протестовать против ухода из казачьих рук казачьей собственности — единственно уцелевшего исторического казачьего Донск. архива и требовать немедленного его возвращения казакам в казачьи руки.

Тулузская в. к. станица, требует от руководителей В. К. движения немедленного и категорического вмешательства для возвращения Донского казачьего архива в казачьи руки.

Надо немедленно установить, кто совершил это деяние, кто и почему до сих пор не хочет считаться еще с волей казачьей.

Вр. и. д. ст. атамана вахм. **Шерстюк**
Помощник **Затенко**
Ст. писарь есаул **Курило**

В. К. В БЕЛЬГИИ

Глубокоуважаемый станичник Редактор!

Не откажите поместить нижеизложенное на страницах уважаемого мною Вашего журнала.

В знак протеста и глубокого моего негодования к недостойным выпадам г.г. «оппозиционеров» я присоединяюсь к голосу станичников: А. Тырина и М. Колесова. В предыдущих номерах журнала эти станичники возвысили свой голос в защиту Вашей чести. Не могу и я обойти молчанием, чтобы не поощрить Ваши заслуги перед многострадальным Казачеством.

Всегда я был готов поддержать Ваши моральные силы, а на сей раз спешу поддержать Вас и средствами. Вместе с сим переводом по почте, мною послано на Ваше имя пятдесять франц. франков — в полное Ваше распоряжение.

Пусть же знают Ваши недруги, что начатое Вами здесь заграницей дело осуществление Вольно-Казачьей программы, при поддержке идущих за Вами, будет доведено до благополучного конца.

А чтобы исполнить нам свой долг перед своим родным Казачеством, нам нужно и форменным образом поклясться в этом Богу.

Если предстоящему нашему избраннику — Атаману — надлежит присягнуть на верность служения Казачеству, то не может быть того, чтобы мы рядовые казаки, остались в сторонке и не присягнули выполнить своего долга перед многострадальным Казачеством. Не далек тот день и час, когда будет нужно поклясться Богу в верности и готовности исполнить свой долг и нам, казакам.

Принесшие Богу клятву, мы обязаны будем представить своему избраннику присяжные листы со своими собственноручными подписями. Без выполнения этой присяги, не будет твердой опоры у нас, казаков, на своего Атамана, а у Атамана не будет опоры на нас, казаков.

С верою в Божью помощь, с желанием служения нашему родному Казачеству, будем идти своим путем и дальше, пока не достигнем своей цели или умрем с честью на своем посту.

Н. Боровлев

В. К. В ЮГОСЛАВИИ

О «ДЕЛАХ Г.Г. «ОППОЗИЦИОНЕРОВ»

Настоящим прошу Вас напечатать в редактируемом Вами журнале нижеследующее — к сведению всех в. казаков:

Из Братиславы, от г. Санжи Балыкова, мною получена копия постановления, подписанная г. Перфильевым и еще 7-ю казаками и одним калмыком.

В этом постановлении говориться, что подписавшие его образовали в Белграде вольно-казачью станицу, что они «категорически осуждают методы борьбы г. Билого», что они начинают «ожесточенную борьбу с прислушниками Билого», что они знают, что «деньги г. Билого будут действовать только на несколько членов Окр. Правления» и что они пошлют на с'езд окр. атаманов «неподкупного», а «представитель из Югославии не есть представитель всего Югославянского Вольного Казачества».

По поводу сего сообщаю:

1) Г-н Перфильев, с момента образования «оппозиции», вел с нею переписку и все полученные письма аккуратно доставлял мне.

2) Санжа Балыков еще в прошлом году прислал ему одно «постановление вольных казаков в Югославии», каковое до сего времени у меня и хранится.

3) Из подписавших постановление, кроме Перфильева и С. Кульдинова, никто никогда и нигде в в. к. организациях до этого времени не состоял.

4) Садьман Кульдинов давно уже вышел из студ. станицы, заявив, что ни в. казакам; ни ХТТ он не сочувствует, а, по его мнению, «калмыцка мальньк народ» должен вернуться опять на свою старую родину — в Китай.

При свидетелях, у меня на квартире, я нарочно спросил его, не стесняясь в выражениях:

«Что-же, Садьман, значит, по твоему; вы; калмыки; можете послать Дон в ....?»

На что получил ответ утвердительный с повторением сказанного мною слова, с прибавлением какой-то галиматьи о заезжей калмыцкой принцессе, о том, что калмыки должны вести «опчи линий», и о сорока мастерах, с которыми Садьман Кульдинов возродит Монголию и в оной будет второй Чингис хан.

5) По получении «постановления», по моей просьбе, П. М. Мерзликин разговаривал с двумя из подписавшихся, результатом чего у меня лежат следующие отречения, написанные моими «ожесточенными» и неподкупными врагами, каковые привожу с сохранением орфографии:

а) Я, нижеподписавшийся не састаю ни в каких казачьих организаций и ни подлежу (!?) ВК течению, а подписался лишь из калегиальности к моему колеги Перфильеву. Посему прошу мою подпись считать не действительной, **ибо это было сделано обманом.**

Казак Александр Новосильцев, студ. техники. Белград. 17-4-35.

б) Я ниже подписавшийся не состою ни в одной казачьей организации и не пренадлежу ни какому ВК течению, а подписался на листе Е М. Перфильева лишь из колегиальности к нему. В виду того что моя подпись стала фигурировать в политических журналах, прошу ее считать не действительной.

А. В. Алферов ст. техники: Белград, 17-4-35;

в) На ВК округ в Югославии оппозиция вела давно наступление по всему фронту с целью его развалить. В Скопле она завербовала себе Я. Ковгана, который и приложил все усилия к развалу Скоплянской вк. станицы.

Находя, что развал в. казачьих организаций **сознательное преступление** перед нашим общим делом, я лично, не выступая против оппозиции, считал всегда долгом своим информировать казаков обо всем так, как оно есть на самом деле. Надеялся, что зарвавшись, люди все же поймут, что зашли слишком далеко и найдут пути примирения. Последний акт — при усиленном содействии калмыка Кульдинова — создание «ожесточенных» борцов с в. казачьей организацией, поставленной в условия несравимые по тяжести ни с какой иной, **считаю величайшей подлостью** и впредь людей, натолкнувших на нее Перфильева, человека своего мнения не имеющего, буду рассматривать под соответствующим углом зрения.

7) Кульдинов все время в Белграде всюду и везде и при всяком случае первому встречному говорит, что В. К-во провалилось, что в. казачье дело погибло...

Ниже приводя копию письма ст. Шаринова для полной характеристики г.г. из «оппозиции», все-же остаюсь в убеждении, что «наша мальнька народ», нща «опчи линий», найдет в своей среде людей добропорядочных, с которыми нам, казакам, не стыдно будет сесть рядом.

Окр. атаман ВК округа в Югославии **П. Поляков**

Копия.

Я, нижеподписавшийся, выслушав на Круге ВК округа в Югославии доклады и приведенные к ним документы самих «оппозиционеров», фактически впервые только узнал суть дела, затеянного «оппозиционерами».

Сим заявляю, что я абсолютно не разделяю политики «оппозиции» и всецело осуждаю способы борьбы личного характера, внесенные в столь важную работу ВК.

В журнале «Казакия» помещено мое стихотворение «Человек». Редактор «Казакии», желая, по всей вероятности, очернить имя И. А. Билого, предложил мне посвятить стихотворение редактору «ВК», говоря, что оно весьма подходит к создавшейся обстановке ВК движения. Редактор «Казакии», вдруг, назначил мне такой срок для моего ответа: если я до определенного числа не отвечу на его открытку, то стихотворение будет напечатано с посвящением И. А. Билому. Из-за короткого срока (4-5 дней), а также по своему крайне тяжелому материальному положению, я не мог во время ответить. И стихотворение было помещено. Между прочим, оно так было переделано, что изменило смысл и нравственную ценность. Вместо слов «О слезах матери» — С. Балыков исправил: слезы ж жены». Почему ему захотелось исправлять, я не имею представления.

По моему мнению, если «оппозиционеры» действительно в. казаки, то они могут, утаивая свое уязвленное самолюбие послужить на общее казачье дело. Пусть для них И. А. Билый — негоден, разве в. казаки обязаны служить человеку? Они поклоняются ВК идее и поддерживают того, кто умеет руководить.

Слава Казачеству!

Константин Шариков.

28 апреля 1935.

С подлинным верно: **П. Поляков**

В. К. В БОЛГАРИИ

УСЛЫШЬТЕ И НАШ ГОЛОС!

Многоуважаемый г. редактор!

Не откажите в любезности на страницах уважаемого мною журнала поместить нижеследующее маленькое раз'яснение.

Как видно, наши «39 организаций» в Болгарии, перешедшие в «оппозицию», многих в. казаков, не осведомленных о положении в. казачьего округа в Болгарии, вводят в заблуждение. Мне не хочется оскорблять чувства казаков — тех, конечно, которые, по недоразумению, возможно и попали в оппозицию, не зная ее хорошо. Но чтобы и в дальнейшем эта фантастическая цифра 39 не украшала страниц оппозиционных органов печати, я и берусь дать маленькое раз'яснение и внести в это долю правды.

Насколько мне известно, как одному из старых членов вольно-казачьей семьи, до создания в. казачьего округа в Болгарии было у нас 7 (семь) организаций, а ко времени созыва с'езда стало 9*). До сих пор о возникновении какой либо новой организации, не только мне, но я думаю, что и другим старым организациям в Болгарии также неизвестно.

Так что, дорогие братья казаки, нет ничего удивительного в том, что вам где то в далекой от нас Франции, Бельгии, Польше, Румынии, Германии, Сербии и др. странах, неизвестна сила нашего округа. Вот соберется второй окруж. с'езд 5-6-7 мая 1935 г. и вы тогда увидите нашу силу. До настоящего времени имеется 39, ко времени созыва с'езда будет 50 в. к. организаций, на с'езде будет не меньше ста делегатов, при расчете от станиц и куреней по 2, а от хуторов и групп по 1. Плюс ко всему этому банкет зададим!

Вот тогда то не только все казаки в Болгарии, но и все другие округа, видя нашу силу, очертя голову ринутся присоединяться к нашему округу. Мы создадим центр и когда наш округ поглотит (вберет в себя) все остальные округа, мы и начнем собирать Большой Круг, всенародный, даже и Билого пригласим, а не то, что он, Билый, собирает людей, ему покорных. Держись Билый! Пришел час расплаты...

Так вот что заслужил Билый за свою семилетнюю работу на пользу Казачества. В течении 7 лет, переносящая массу незаслуженных оскорблений, он никогда и ни при каких обстоятельствах первым все же не начинал полемизировать со своими врагами, а также не допускал острой полемики на страницах журнала «ВК» и своих сотрудников. И только в крайних случаях давал веские и правдивые ответы на нападки своих врагов.

Стыдитесь, г.г. оппозиционеры: Ведь вы чувствуете и сами, какую грязь выливаете вы на страницах вашего «бюллетеня» и в своей газете. Вы ищете людей, которые могли бы месить вашу грязь; не жалея средств, высылаете нам пачками по 10 и больше экземпляров. — Ваши старания будут напрасны, вы не дождетесь похвалы и благодарности от тех, кому вы их высылаете. Вы бы поступили лучше, если бы вместо того, чтобы тратить трудовые гроши казачьи на провокацию, задержали бы их в своей редакции и, когда у г.г. оппозиционеров пройдет угар и мания возглавления, внесли бы их на общеказачье дело.

Дорогие братья, не поддавайтесь на удочку оппозиционеров, тесней смыкайте ряды вокруг нашего в.-казачьего Центра в Париже, отдавайте свои силы и способности на об'единение, а не на раз'единение, на что влекут вас г.г. оппозиционеры.

Довольно спячки! Не поддавайтесь обману лживых обещаний.

Все в ряды Вольного Казачества!

В. В. Д. казак **Н. Ковалев.**

3-5-35 г. Лесковец. Болгария.

От ред. На первом окружном с'езде в 1934 году было представлено 8 организаций: 4 группы, 1 хутор и 3 станицы — 18 делегатами. (Справка эта дается по официальному протоколу с'езда).

Продолжается подписка

на иллюстрированный журнал литературный и политический

ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО – ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО

выходит 10 и 25 числа каждого месяца

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год:	цена отдельного номера:
Во Франции	30 фр.	60 фр.	3 фр.
В Чехословакии	40 кч.	80 кч.	5 кч.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	100 лей	200 лей	10 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0.50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	4 долл.	0.20 долл.

За перемену адреса следует присылать: во Франции 1 почтовую марку за 90 с., из-за границы 1 международный почтовый купон.

Подписную плату посылать по адресу: M. I. Bilyi, 10, rue Victorien Sardou — Paris (16)

IMPR. D'ARR – 77, RUE MOUTON-DUVERNET

La Gérante : A. Laize